

Легчайший воздух

Автор:

Минка Кент

Легчайший воздух

Минка Кент

Высшая лига детектива

Мерedit только что вышла замуж за Эндрю Прайса, богатого разведенного бизнесмена в два раза старше ее. Все уверены, что это брак по расчету, но Мерedit утверждает, что без ума от мужа, и даже ссорится из-за этого с сестрой.

Когда Мерedit внезапно пропадает, ее сестра Грир принимает участие в поисках. Чем больше она узнает людей, окружавших Мерedit в последнее время, тем яснее понимает – разобраться, что случилось с сестрой, будет очень непросто, а там, где хранится ответ, очень и очень темно.

Минка Кент

Легчайший воздух

Minka Kent

The Thinnest Air

* * *

This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency.

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2018 by Nom De Plume LLC

© Бушуев А., Бушуева Т., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Глава 1

Мередит

Тридцать шесть месяцев назад

Та, кто утверждает, что шоколадный торт лучше секса, никогда не имела Эндрю Прайса у себя между ног.

За окном нашего отеля висится припорошенная снегом Эйфелева башня, смятые простыни в беспорядке валяются на полу.

Это... это медовый месяц.

Эндрю ложится на меня, и его мускулистое, спортивное тело блестит и сияет. Он целует меня, и я чувствую на его языке свой собственный вкус.

Ему нравится, что я без комплексов и готова на все.

Поправлю себя – любит.

Ему также нравится, что я почти вдвое моложе его, что мое либидо еще не достигло своего пика, а мое тело как будто создано для воплощения фантазий школьника в сознании разведенного мужчины среднего возраста.

Я глажу его мускулистый торс и улыбаюсь.

Я люблю его. Я люблю его в миллион раз сильнее, чем представляла себе когда-нибудь, что смогу так любить другого человека. Вряд ли это кто-то поймет, и уж тем более – моя сестра. Грир убеждена, что наш брак – это отношения богатого пожилого папика и молодой девушки, ради денег и показушной роскоши готовой на все, но она ошибается.

Впрочем, опасения Грир мне понятны.

За последние шесть месяцев Эндрю погасил мой студенческий заем, купил мне машину и бросил к моим ногам красивую жизнь. Но моей сестры нет в наших ночах, она не видит нежности его прикосновений, его долгих поцелуев. Она никогда не узнает, каково это – смотреть через всю комнату на Эндрю Прайса и чувствовать, как земля дрожит под моими нетвердыми шагами.

Он творит со мной нечто невероятное. То, чего еще никто не делал.

С ним я любима. С ним я в безопасности.

И поэтому знаю, что все это реально.

Дорогие машины, роскошные ужины, шкаф, набитый одеждой «от кутюр», – это все лишь приятные мелочи. Потеряй он завтра все, что имеет, я все равно осталась бы с ним рядом. Даже одетого в лохмотья я любила бы его по-прежнему.

– Еще шампанского? – Он встает с меня и направляется к мини-бару. Я сразу же начинаю скучать по его теплу, его легкому мускусному запаху. Он – мой наркотик, его я вижу даже с закрытыми глазами, потому что, когда вы кого-то любите, вы отдаетесь любви сполна. Вы безоглядно влюбляетесь и не оглядываетесь назад. Ведь как можно противостоять столь мощному волшебству?

Я перекачиваюсь на бок, подтягиваю колени к груди и, положив голову на руку, люблюсь моим идеальным мужем, молча пожираю глазами каждый дюйм его тела, которое сейчас по праву принадлежит мне.

Ни одна другая женщина не может прикоснуться к нему так, как я.

Ни одна другая женщина не способна подарить ему то, что дарю ему я.

И он это знает.

– Да, пожалуйста, – отвечаю я, и мое сердце трепещет, когда его взгляд задерживается на моем теле. Он ценит меня, ценит, что я принадлежу ему. До Эндрю меня всегда тянуло к мужчинам моего возраста, я ошибочно принимала их высокомерие за спокойную уверенность в себе.

Эндрю несколько не высокомерен. Он успешен, уверен в себе. Но он не заносчив. Он просто знает, чего хочет, и не боится этого добиваться.

Я так рада, что он пожелал меня.

Он наполняет два высоких бокала доверху и возвращается с ними в постель.

– Ты ведь будешь любить меня вечно, правда? – На моих губах играет лукавая усмешка, призванная скрыть серьезность вопроса. Я делаю глоток и мгновение жду, пока пена осядет на языке. Я хочу запомнить это мгновение. Хочу прочувствовать все, запечатлеть в своей памяти навсегда. – Несмотря ни на что?

Эндрю делает глоток. Его глаза цвета ликера «Амаретто» удивленно смотрят на меня.

– Что за вопрос? – Он прижимается губами к моему лбу и, вздохнув, прикасается ладонью к моей щеке. – Ты моя жена, Мередит. Ты и я. Мы. Навсегда. Ты навеки связана со мной.

В этот момент я предпочитаю не думать о том, что я у него третья.

Он утверждает, что его первый брак не в счет. Они были молоды, только что выпорхнули из дверей школы. К моменту окончания колледжа они развелись. Детей у них не было. По словам Эндрю, он едва помнит тот отрезок своей жизни. Всякий раз, пытаюсь вспомнить ее имя, он щурится, словно это дается ему с трудом. Он был слишком занят учебой, а в свободное время дешевым свиданиям с юной возлюбленной в студенческом городке предпочитал регби или шумные попойки с друзьями.

Затем в его жизни появилась Эрика. Я стараюсь не думать о ней и очень надеюсь, что она не испортит мне этот чудесный миг.

Она ненавидит меня.

Но это чувство взаимно.

– Скажи это еще раз.

С бокалом в руке я перекатываюсь на спину и укладываю простыни между ног.

– Что сказать еще раз?

– Жена. – Я делаю глоток и тщетно пытаюсь спрятать счастливую улыбку. Она не сходит с моих губ с того момента, когда он поцеловал меня на глазах у трехсот семидесяти шести наших ближайших друзей и родственников.

Эндрю устраивается рядом со мной, проводит ладонью по подбородку с симпатичной ямочкой и усмехается.

– Ты моя жена, – медленно, почти по слогам, произносит он.

Я поднимаю взгляд на его точеный подбородок и по-мальчишески симпатичное лицо. У него глаза куда более молодого мужчины, а вот волосы на висках серебрятся проседью. Но это лишь добавляет ему привлекательности. И еще он необычайно умный. Он рассуждает об акциях, облигациях и прочих ценных бумагах так, что это пугает даже самых ушлых брокеров фондового рынка.

– Ты самый красивый мужчина на свете, – говорю я, протягивая руку к его лицу, и кончиками пальцев касаюсь его губ идеальной лепки. – Даже не верится, что ты мой муж.

Еще семь месяцев назад я не знала о существовании Эндрю.

Шесть месяцев назад я работала официанткой и обслуживала посетителей кафе в Денвере, когда он вошел туда с группой мужчин в темных деловых костюмах и солидных галстуках. Я приняла у него заказ, и, когда он вернул мне меню, его рука коснулась моей руки. Он улыбнулся. Я улыбнулась в ответ. Все остальное на мгновение исчезло.

– Все случилось так быстро, не так ли? – спрашивает он и, закинув руку за голову, смотрит в потолок. – Я просто не мог позволить тебе уйти.

Я сразу поняла, что Эндрю окажется не таким, как все, хотя бы потому, что на нашем первом свидании не было ни бургеров, ни пива, ни бейсбола. Когда Эндрю заехал за мной, он был в костюме и при галстуке. В ресторане он подошел к стойке метрдотеля и подтвердил бронирование столика. А когда мы делали заказ, он точно знал, какие вина будут сочетаться с выбранным мной блюдом.

За все время нашего свидания он ни разу не взглянул ни на одну из проходивших мимо красивых женщин. Он всякий раз придерживал для меня дверь. Был верхом учтивости и хороших манер. Ни словом не обмолвился о своих бывших женах. И ни разу не проверил в моем присутствии свой телефон.

В ожидании нашего свидания я волновалась, что у нас с ним не найдется ничего общего. Судя по тому, что мне удалось узнать благодаря коротенькому расследованию в социальных сетях, он был отцом-одиночкой с двумя детьми. Он работал в сфере финансов и не имел привычки зависать в интернете, свой последний пост на Фейсбуке он опубликовал четыре года назад.

Глоток. Свежего. Воздуха.

После ужина Эндрю увез меня на симфонический концерт. В антракте он приносил мне вино и терпеливо ждал у дверей дамской комнаты, ни разу не пожаловавшись на то, что я ужасная копуша.

Когда тем вечером мы шли к его машине, у меня сломался левый каблук и я подвернула лодыжку. Так мне и надо, нечего было одалживать дешевые туфли у соседки по комнате. Эндрю не стал обнимать меня за плечи, помогая доковылять к машине, чтобы закончить свидание на неловкой ноте. Нет, он, словно жених невесту, подхватил меня на руки. Прохожие, неодобрительно кривя губы, смотрели на нас взглядами снобов, но Эндрю не обращал на них никакого внимания.

Его единственной заботой была я.

Той ночью, привезя меня домой, он помог мне лечь в постель, принес лед и аспирин, взял мой телефон и подключил его к зарядному устройству, а затем оставался рядом со мной до тех пор, пока я не уснула.

Вот такой он человек, этот Эндрю Прайс.

Мне еще ни разу не встречался молодой мужчина, который обладал хотя бы половиной достоинств того человека, что покорило мое сердце в тот момент, когда я меньше всего этого ожидала.

Он – все, чего я хотела, хотя и не догадывалась об этом.

Все, что мне нужно.

Подкатившись к нему, я прижимаюсь щекой к его груди, слушаю ритмичное биение его сердца и вдыхаю пьянящий аромат его обнаженной кожи. Мое тело сдается волне сладостного изнеможения.

Я буду с Эндрю Прайсом до конца моих дней.

Даже не верится, что мне так повезло.

Глава 2

Грир

День второй

– Харрис! – Я колочу в его дверь до тех пор, пока костяшки пальцев не начинают неметь, а затем осматриваю покрасневшую кожу – ее цвет теперь почти под стать моему облупленному маникюру. В семь часов январским утром солнце все еще прячется за горизонтом и сверкающими громадами небоскребов Манхэттена. Ветер безжалостный, холод лютый. Я уверена, что он все еще нежится в постели, но у меня через три часа самолет, и я не могу себе позволить такую роскошь, как простая вежливость. – Харрис, живо открывай эту гребаную дверь! Я знаю, что ты дома.

Было бы гораздо проще, будь у меня ключ, но в прошлом году я решила, что нам нужно установить границы, чтобы не действовать друг другу на нервы. Это означало, что я уйду от него. Ненормально, когда два человека, расставшиеся много лет назад, живут вместе, спят в одной постели, словно бесполоя супружеская пара, и посещают свадьбы своих друзей в качестве приложения друг к другу.

Но если закрыть глаза на то, что произошло за последние десять лет, Харрис по-прежнему мой лучший друг, мое доверенное лицо и один из немногих людей, которые мне действительно симпатичны на этой населенной самовлюбленными эгоистами планете.

Возможно, какая-то часть меня все еще любит его сильнее, чем я готова признать это вслух.

Из-за двери доносится приглушенный голос. Через несколько секунд она распахивается, и я вижу перед собой Харриса. На носу криво сидят очки в черепаховой оправе, а от него самого пахнет несвежими простынями и крепким

сном.

– Что? Что случилось? – Он щурится на меня и проводит ладонью по едва заметной щетине. Складки на подушке оставили на его щеке и лбу вмятины.

– Ты не брал трубку. – Крошечная частичка меня иррационально оскорблена его недоступностью.

– Я спал, а телефон был выключен.

– У меня чрезвычайная ситуация. Я улетаю в Юту.

Мой будничные тон – уловка, которую он, вероятно, уже раскусил, но это все, что я могу сделать, чтобы сохранить самообладание.

Демонстрировать эмоции – не самая сильная моя сторона. Я скорее пройду тысячу осмотров у гинеколога, чем пролью хотя бы слезинку в присутствии другого человека. Да и вообще, слезы вряд ли помогут мне отыскать мою сестру.

Харрис приглаживает взъерошенные волосы, и его сонный взгляд обретает осмысленность.

– В Юту? Это... как-то связано с Мередит?

– Да. – Я складываю на груди руки. – Мередит пропала.

Я впервые произношу эти слова вслух, и у меня перехватывает дыхание. Думать об этом – одно, сказать – значит сделать реальным.

Она всегда была рядом со мной.

При взлетах и падениях.

Мой самый главный источник энергии.

И вот теперь ее нет.

– Что стряслось? – Харрис недоуменно поднимает брови, но затем прищуривается, словно наблюдает за крушением поезда.

– Она должна была забрать детей Эндрю из школы, – объясняю я, глядя на его босые ноги. – Но так и не появилась. Ее машину нашли на парковке супермаркета. Дверь со стороны водителя была открыта, сумочка и телефон лежали на пассажирском сиденье. Никаких следов борьбы. Она просто... исчезла.

– Черт! – Харрис опускает голову и потирает затылок.

– В любом случае, я просто пришла сказать тебе, что не знаю, как долго буду отсутствовать, поэтому тебе придется на некоторое время взять кафетерии на себя. – Мне неприятно вешать на него эту обузу, особенно сейчас, когда мы в полной заднице, но у нас просто нет выбора.

Десять лет назад мы с Харрисом окончили универ. Мы были по уши в долгах, а поскольку из-за кризиса найти работу было практически невозможно, мы сняли все деньги с наших кредитных карт и вложили их в крошечную кафешку в Бруклине. Два года спустя мы открыли еще одну в Челси. Затем еще одну в Ист-Виллидж. Сегодня у нас их в общей сложности пять. Это была авантюра чистой воды, это возбуждало и напрягало и вместе с тем было восхитительно, потому что мы все делали вместе. Мы двое. Он и я. Бок о бок.

Но времена нынче тяжелые.

Конкуренция сейчас острее, чем раньше: повсюду появляются новые кафе, ими управляют сидящие в соцсетях ушлые миллениалы, открывающие свои заведения благодаря бездонным карманам своих богатеньких родителей.

На прошлое Рождество буквально за углом открылось новое заведение под названием «Кофе-бар». Владелец изобрел целое меню из тематических напитков, вдохновленных фильмами «Один дома» и «Рождественские каникулы». Новостной портал «БуззФид» опубликовал о них статью, ставшую в одночасье вирусной рекламой, и теперь люди выстраиваются в очередь, растянувшуюся на целый квартал, чтобы отведать латте под названием «Оставь мелочь себе, грязное животное», хотя это всего лишь обычный кофе с добавкой

из тыквенных специй и соленой карамели. Или «Ночной горшок кузена Эдди» – просто мокко со льдом и добавкой турецкого эспрессо. Ни один из этих напитков не требовал особого воображения, но мы не могли конкурировать с сенсацией, порожденной вирусной рекламой.

Наша декабрьская выручка упала на сорок процентов и с каждым днем продолжает снижаться. В ближайшие месяцы мы планировали закрыть минимум три кафе, но тут Мередит предложила мне кредит.

Я не хотела принимать ее помощь.

Но мне также не хотелось лишиться средств к существованию.

Или Харриса, чье нынешнее выражение лица напоминает человека, ставшего свидетелем автомобильной аварии со смертельным исходом.

– Ну ладно. Договорились. Как-нибудь справлюсь. Просто держи меня в курсе, хорошо? – говорит он.

Я медлю, топчусь за порогом. Мередит всегда была ему до лампочки, хотя он никогда не говорил ничего подобного. Это угадывалось в маленьких колкостях, которые он время от времени отпускал в адрес моей сестры, высмеивая ее пристрастие к социальным сетям, ее интерес к публикациям в таблоидах, а также ее привычку к слишком большому количеству косметики и слишком малому – одежды. Но больше всего он ненавидел ее за то, что она была откровенно сексуальной, но тут дело заключалось в его принципах. Будучи сыном преподавателей с гарвардским дипломом, специалистов в области женских проблем, а также имея трех старших сестер, Харрис просто не мог не стать убежденным феминистом.

– Боже, надеюсь, с ней ничего не случилось, – еле слышно бормочет он и смотрит куда-то в пол.

Забавно, но старые опасения уже не имеют значения сейчас, когда самые худшие из них, похоже, стали реальностью.

– Я буду держать тебя в курсе, – говорю я, хотя бы потому, что мне наверняка понадобится его здравый рассудок, чтобы не сойти с ума, пока я ее не найду. У него это всегда хорошо получалось, он всегда умел посмотреть на проблему с разных углов и отвести меня от края пропасти, не давая свернуть шею.

– Просто... Пожалуйста, пусть твой телефон всегда будет включен. Даже ночью. Я позвоню, только когда ты мне понадобишься.

Я поворачиваюсь, чтобы уйти, но в этот момент его теплые пальцы сжимают мое запястье.

– Грир, – говорит он, склонив голову набок. Его прикосновение – это утешение, которое я не могу себе позволить, тем более сейчас. – Мне жаль.

– Жаль? – Я выгибаю бровь и окидываю его взглядом с головы до ног. – Ты это к чему? Она не умерла, а просто пропала.

Он молчит.

– И я собираюсь найти ее.

Я ни разу в жизни не говорила с такой убежденностью.

– Знаю. И я всегда готов тебе помочь. – Харрис притягивает меня к себе, переходя черту, которую сам провел много лет назад.

Вновь оказаться в его объятиях – это как остановить на миг бесконечное падение. Он все еще любит меня. Я это знаю.

Как я никогда не перестану любить его, так и он никогда не перестанет любить меня. Его предложение пойти разными путями прозвучало спустя много лет после того, как мы отодвинули наши отношения на второй план, отдав все, что имели, бизнесу. Наше время. Нашу энергию. Нашу страсть. В то время мы слишком глубоко погрузились в дела, чтобы это понять, а когда наконец заметили, то зашли уже слишком далеко. Мы потеряли искру любви, предпочтя романтике удобство, хотя заслуживали большего.

По крайней мере, так сказал Харрис.

Наше расставание растянулось на долгие месяцы, однако не стало неожиданностью. У меня свои проблемы, да и Харрис – человек сложный. Но мне это всегда нравилось в нем. Он глубокая натура. Мыслитель. Сейчас таких, как он, не производят, по крайней мере, в массовом масштабе.

Как когда-то давно, я вдыхаю его запах и чувствую меланхоличную сладость с легкой ноткой грусти. Часть меня хотела бы, чтобы он поехал со мной в Юту, но кто-то должен остаться и продолжать наш бизнес. Уехать вдвоем на неопределенный срок – явно не вариант.

– Позвони мне, как только прилетишь, – говорит он.

– Мне пора. – Сжав переброшенный через плечо ремешок сумочки, я отстраняюсь от Харриса, бросаю на него прощальный взгляд и поворачиваюсь, чтобы уйти.

Непривычное ощущение беспомощности и неуверенности грозит парализовать мою волю, но я делаю глубокий вдох, направляюсь к лифту, а спустившись вниз, шагаю к ожидающему меня такси.

Я непременно найду сестру.

Глава 3

Мередит

Тридцать три месяца назад

– Даже не верится, что ты здесь живешь. – Грир входит в холл и бросает сумки на облицованный мрамором пол. Ее взгляд скользит вверх, к высокому потолку и останавливается на люстре «Шонбек», шестьдесят пять лампочек которой высвечивают тысячи капелек хрусталя. – Конечно, это лучше клетушек, в которых мы выросли.

– А как иначе? – спрашиваю я.

Холодные голубые глаза Грир вопросительно смотрят на меня.

– Ты это о чем?

– Давай не будем обсуждать мой дом, хорошо? – Я прикусываю губу и, гордо вскинув голову, кладу руку на бедро.

После того как Грир сообщила мне, что собирается приехать погостить, мой желудок несколько дней скручивало узлом. Оказывается, человеческое тело не всегда понимает разницу между легким волнением и тревогой.

– То есть я должна делать вид, будто ты не посадила меня в «Бентли», не отвезла в ресторан с мишленовской звездой на ужин из пяти блюд, заплатить за который твоему мужу все равно что отдать десять центов, после чего умчала меня в свое роскошное лыжное шале ценой в несколько миллионов? – Грир одаривает меня ехидной улыбочкой, как будто пытается разозлить, но я ее хорошо знаю. За ее вызывающим тоном кроется что-то еще, но что именно, я пока не могу понять. Сомнения? Скепсис? Разочарование? Ревность?

Впрочем, я не прошу ее гордиться мной. Ничего особенного я не достигла и не заслужила. Я лишь удачно вышла замуж. Да, мне повезло. И теперь все это мое. Я просто хочу, чтобы она знала: есть человек, которому я небезразлична.

И я больше для нее не обуза.

Я крепко обнимаю ее и прижимаю к себе, пока ее плечи не расслабляются.

– Я люблю тебя, Грир. И я рада, что ты здесь. Давай не будем портить друг другу настроение.

Сестра вздыхает.

– Давай. Извини, что я тут таращусь на все. Просто... просто жизнь, которой ты живешь, это какое-то безумие. Ты еще так молода.

Она отстраняется и смотрит мне в глаза.

– Не я одна вышла замуж в двадцать два года, – говорю я. – С судьбой не поспоришь.

– Я просто надеюсь, что ты помнишь, кто ты такая и чего ты хочешь, понимаешь? Я воспитывала тебя не для того, чтобы ты стала содержанкой.

Подмигнув, я протягиваю руку к ее сумке. Нам незачем осложнять разговор, чтобы он вылился в ее материнские нравоучения.

– Если не ошибаюсь, мы уже говорили на эту тему, – напоминаю я ей. – Накануне моей свадьбы, помнишь?

Грир закатывает глаза.

– Знаю, знаю. Ты любишь его. Он любит тебя. Все идеально, и мне не о чем беспокоиться.

Я улыбаюсь.

– Значит, ты меня выслушала. Я рада. Хочешь взглянуть на свою комнату? – спрашиваю я и качу через холл ее сумку на колесиках.

Сигнализация дважды издает писк.

– Что это? – спрашивает она.

– Эндрю, должно быть, дома. – Я бросаю взгляд на кухню, ожидая услышать звук шагов по плитке пола, звон брошенных на столик ключей и щелчок открываемого холодильника, когда он достает нашу вечернюю бутылку красного вина.

– Мер! – зовет он через мгновение. – Ты дома?

– Я здесь. – Я качу сумку в ту сторону, откуда доносится его голос, и тащу на буксире Грир. – Смотри, кто здесь!

Он уже собрался откупорить бутылку «Мерло», когда поднимает глаза и встречает холодный взгляд моей сестры. Я говорила ему, что Грир ничего не может с собой поделаться – она на всех так смотрит. Она не доверяет большинству людей, и ей никто не нравится. Чтобы проникнуться к человеку симпатией, ей требуется время, но это точно произойдет... в один из ближайших дней. Ей просто нужно понять: у нас все серьезно, это наш дом, а не место съемок очередной серии «Фильма недели». Но Эндрю заверил меня, что это не имеет значения, что у него толстая кожа и это не изменит его отношения ко мне. Никогда.

– Эндрю. – Грир выдавливает из себя улыбку. Я вижу, что она пытается быть учтивой; уже шаг в правильном направлении. До меня внезапно доходит, что они встречаются всего лишь в третий раз. Ожидать, что они быстро подружатся, нереально, так что я не стану вмешиваться, наберусь терпения, и пусть все произойдет само собой.

Достав из шкафа три хрустальных бокала с инкрустированными платиной ножками, мой муж наливает в них вино.

– Как прошел полет? Не слишком трясло? – спрашивает он, чокаясь с нами. – Обещали сильный снегопад. Я волновался, что рейс задержат.

Грир делает глоток.

– Думаю, мне повезло.

– Где твой парень? Харрис, так, кажется? – спрашивает Эндрю.

– Бывший... – бормочу я себе под нос, крутя ножку бокала.

Грир бросает на меня колючий взгляд, я отвечаю ей тем же. Все же нечестно, что моя личная жизнь всегда открыта для всех, а ее жизнь, словно личный дневник, всегда на замке. Не дай бог упомянуть, что они расстались много лет назад, но до сих пор ведут себя так, словно ничего не произошло. Даже если они

больше не живут под одной крышей и не считают себя связанными какими-то обязательствами, по сути, ничего не изменилось.

– Извини, не знал, – говорит он. – Вы были вместе на нашей свадьбе... Я просто предположил...

Грир делает еще один глоток, молча наслаждаясь вином, но тут ее взгляд падает на полированный деревянный пол. На миг я вспоминаю нашу с Эндрю свадьбу, тщательно продуманную и лишенную всякой индивидуальности, в шикарном отеле на вершине заснеженной горы. Никто не заглянул в наш новый дом на поздний завтрак или чтобы посмотреть, как мы разворачиваем подарки. Мы пригласили гостей. Мы проводили их. Список торжеств и увеселений был длинным и не оставлял времени для досужих разговоров.

– Пойду покажу комнату, – сообщаю я мужу, оставляя свой бокал нетронутым. У меня задержка уже несколько дней, но я еще не сказала об этом ни ему, ни кому-то другому. Пока не сказала. – Я думала, мы могли бы поселить ее в гостевой комнате на нашем этаже. Как ты считаешь?

Эндрю усмехается, обходит кухонный стол-остров и обнимает меня за плечи.

– Тебе не нужно спрашивать разрешения. Это ведь и твой дом тоже.

Я чувствую себя глупо, однако заставляю себя улыбнуться. Я живу здесь уже несколько месяцев, но все равно для меня это его дом. Вряд ли я смогу когда-нибудь привыкнуть к дому размером с церковь. Он прекрасен, но мне в нем неуютно, и уж тем более я не могу назвать его своим.

– Тем не менее я попросил Розиту подготовить гостевой домик, – добавляет Эндрю. – Я подумал, что Грир там будет удобнее. – Он вопросительно смотрит на нее. – Больше уединения. Меньше шума.

Я поворачиваюсь к сестре.

– Он прав. Это его неделя... наша неделя с Колдером и Изабо. Они будут здесь завтра.

Моя сестра хватается сумку и пристально смотрит на моего мужа. Он этого не видит, но я-то вижу. Ее мысли как будто написаны у нее на лбу. Насколько я знаю мою сестру, она уверена, что Эндрю пытается вбить между нами клин, хочет, чтобы я принадлежала только ему, чтобы мы с ней не были близки, как раньше. Но у него и в мыслях этого нет. Он заботится только о ней, о ее комфорте. Ему хочется, чтобы Грир понравилось у нас. Как только она узнает его лучше, то непременно поймет, какой он на самом деле.

- Гостевой домик потрясающий, - говорю я. - Могу показать его тебе. Хочешь?

Наши взгляды встречаются.

- Да, конечно.

Я делаю ей знак, чтобы она следовала за мной, но Эндрю не торопится выпустить мою руку. Мгновение спустя мы выходим через раздвижную дверь в задней части дома и обходим крытый бассейн с подогревом и джакузи с подсветкой и идем ко входу в гостевой домик.

Дом освещен, словно на Рождество. Внутри темная обшивка стен идеально гармонирует с теплым мерцанием светильников. Сразу чувствуется рука профессионального декоратора. Буквально все, начиная с огромного дивана натуральной кожи коньячного цвета, старинных потолочных балок и заканчивая декоративными подушками, обтянутыми мехом шиншиллы, собственноручно выбрал дизайнер, которого Эндрю самолетом доставил сюда из Теллерайда. Эндрю называет гостевой домик «причудливым», но что касается меня, то я сомневаюсь, что большинство людей сочли бы дом с четырьмя спальнями, дом площадью в две тысячи семьсот квадратных футов «причудливым». Думаю, причиной тому - близость главного дома. На его фоне все что угодно выглядело бы причудливо.

Войдя, мы проходим мимо столика со стоящим на нем огромным букетом свежих цветов, чью зимнюю белизну подчеркивают зеленые сосновые ветки. На каминной полке мерцают свечи, из колонок под потолком льется чарующий голос Эллы Фицджеральд. Воздух напоен легчайшим запахом кедра с примесью мяты, все диванные и декоративные подушки взбиты и красиво разложены. Сезон отпусков позади, но праздничное настроение остается. По словам Эндрю, в Глейшер-Парке всего два сезона: Рождество и почти Рождество. По-моему,

лучшего места провести долгую зиму, чем это, просто не существует.

– Тебе здесь понравится, – говорю я сестре. Та словно по стойке «смирно» стоит в холле, разглядывая интерьер, как будто я только что похитила ее и затолкнула в летающую тарелку. – Гостевая комната хорошо, но гостевой домик приятнее. По сути это частный пятизвездочный отель. С горничной и все такое прочее. Думаю, холодильник полон. Если тебе что-то понадобится, просто набери ноль на телефоне, и тебе все принесут.

Я вкатываю ее чемодан в спальню и ставлю рядом с мягкой двуспальной кроватью, но Грир не идет за мной, а продолжает стоять на месте как вкопанная.

– Грир! – зову я ее, отступая назад в гостиную. – Если хочешь, можешь занять гостевую комнату в доме. Если здесь слишком просторно, ты просто скажи.

– Все хорошо, – сухо отвечает сестра. Похоже, проведя весь день в пути, она сильно устала, я же сразу после того, как забрала ее из международного аэропорта Солт-Лейк-Сити, не дала ей ни минуты покоя. Перед ужином в «Мэсанос» я устроила для нее часовую автомобильную экскурсию по Глейшер-Парку, чтобы она могла полюбоваться восхитительной здешней архитектурой во французском и готическом стиле. Я захлеб рассказывала ей, как горы обрамляют город, подобно стенам небольшой крепости, учила ее, как отличить туристов от местных жителей. Первые вечно ходят черепашьим шагом. Тычут во все пальцами. Носят одежду и обувь от «НортФэйс» и «ЮГГ». Если бы местный терапевт вырядился таким образом, его бы сочли ненормальным. По крайней мере, женщины здесь помешаны на вещах от «Монклер» и «Богнер». Иногда я даже пытаюсь говорить о последних тенденциях лыжной моды, не называя сами бренды. Я наверняка исковеркала бы их, если бы попыталась.

Грир сидела тихо – или, скорее, вежливо, – пребывая под впечатлением от увиденного, пока я таскала ее по городу. Нет, я вовсе не пыталась важничать. Я просто хотела, чтобы в моем новом доме она чувствовала себя комфортно. Чтобы она знала, что может приехать ко мне в любое время.

Я еще не обзавелась здесь кругом друзей, кроме Эндрю, и, если честно, мне здесь тоскливо. Похоже, большинство здешних женщин вполне довольны тем, что сидят дома, маясь от безделья и заполняя свои пустые дни поездками к

визажисту и маникюрше или же импровизированными ланчами с игрой в кости в обществе своих подруг, таких же домоседок.

Однажды я составила им компанию, когда одна из наших соседок пригласила меня, но все женщины годились мне в матери, и даже когда они не рассыпались в комплиментах, вроде «какая у тебя упругая грудь» или «твоя кожа сияет, как попка младенца», они сюсюкали со мной как с дочкой.

– Мередит, будь лапочкой, принеси мне из кухни стакан льда, хорошо?

– Мередит, милочка, объясни мне, что это за зверь такой Инстаграм. Я понятия не имею, как он работает.

– Мередит, киса, я непременно должна взять тебя с собой, когда пойду за покупками. Ты наверняка выберешь вещи, глядя на которые моя племянница не будет морщить носик...

Я ушла от них с горечью во рту и осознанием того, что вписаться в мир Эндрю будет не так легко, как я надеялась.

Однажды вечером я обмолвилась в разговоре с Эндрю, что я не прочь работать неполный рабочий день в его офисе, но он лишь посмеялся надо мной и, поцеловав меня в макушку, сказал, что деньги для нас не проблема и никогда не будут проблемой.

Я же имела в виду совсем другое.

Мне скучно.

И одиноко.

Увы, я не могу честно заявить мужу: «Прости мне мою неблагодарность. Я люблю тебя до смерти, но эта роскошная жизнь, которую ты мне дал, ужасно скучна, и я ее ненавижу».

– Будешь ложиться? – Я бросаю взгляд на часы, подсчитывая, сколько сейчас времени в Нью-Йорке.

Сестра вздыхает, кивает, разглядывает обстановку, но так и не трогается с места. Ее ноги словно приросли к полу.

– У меня утром баре, – сообщаю я. Честно говоря, я ненавижу баре[1 - Баре – система физических упражнений (фитнеса), основанная на сочетании балетных упражнений, упражнений функционально-силового тренинга, пилатеса и йоги. – Прим. перев.]. Я вообще ненавижу спортзал, по крайней мере, здесь. Когда я покидаю теплый тренажерный зал в потной, липкой одежде и выхожу на холодную, промерзшую стоянку, я всякий раз думаю о том, надо ли мне продлевать абонемент на следующий месяц. Но тренировки помогают убить время – примерно три часа в день, если включить сюда душ перед занятием, одевание (что включает в себя прическу и макияж, потому что так делают все здешние женщины), дорогу, затем упражнения в зале до седьмого пота, вновь дорогу, но уже домой, душ, переодевание и снова прическу и макияж. – А потом сразу занятие на тренажерах. Вернусь к десяти или около того. Дай мне знать, чем ты хочешь заняться, пока будешь здесь.

Грир одаривает меня сдержанной, еле заметной улыбкой.

– Звучит неплохо.

Выйдя от нее, я шагаю через задний двор к дому. Дойдя до заднего крыльца, я останавливаюсь, увидев в окно, что Эндрю сидит в столовой во главе стола. Справа от него бокал вина, перед ним тарелка с разогретыми в микроволновке остатками обеда. Он читает новости на своем планшете. Мне отчетливо видна морщинка, что залегла у него между бровей. Я смотрю на него, и мое сердце наполняется теплом.

Он непрерывно работает, постоянно думает о нашем благополучии.

Тихое шуршание раздвигаемой двери привлекает его внимание. Он поднимает голову, и выражение его лица меняется – оно словно озаряется светом. Одного того, что этот успешный, обеспеченный человек всякий раз, когда я захожу в комнату, вспыхивает, как фейерверк, достаточно, чтобы мне вновь и вновь хотелось выйти за него замуж.

Отложив вилку, Эндрю отодвигает стул, подходит ко мне и, взяв мое лицо в свои ладони, целует меня в лоб.

– Как же нелегко мне будет на следующей неделе делить тебя с другими, – произносит он игривым тоном. – Я великий эгоист, когда дело касается тебя.

Глава 4

Грир

День второй

Подъездная дорога забита автомобилями. Все они как один блестящие, черные и важные, и стоят впритык друг к другу. Я вылезаю из такси и забираю из багажника свои вещи.

От долгого сидения мои суставы болят, ноги словно налиты свинцом. Я качу чемодан на колесиках к входной двери. Та приоткрыта, и я вхожу.

У входной двери, зацепив большие пальцы за ремень, дежурит офицер полиции в форме. Он оглядывает меня с головы до ног и с важным видом, словно ему некуда торопиться, вразвалочку подходит.

Его непробиваемое спокойствие вызывает у меня тревогу.

Он молод, в карих глазах застыла скука, дополняя написанное на его детском лице безразличие. Он худой, мешковатая форма болтается на плечах, и, я готова спорить на что угодно, в свободное от службы время он зависает в подвале дома своей матери, играя в «танчики».

– Мэм, это... – начинает он, прикрывая зевок. Его губы сжимаются, глаза увлажняются, веки подергиваются. Похоже, его дежурство подходит к концу, и когда его вызвали на место происшествия без крови, трупа, активного стрелка и приказали выступить в роли – подумать только! – охранника, он задался наконец

вопросом, а не совершил ли он ошибку, пойдя на службу в полицию.

Я распрямляю плечи и выпячиваю подбородок.

– Грир Эмброуз. Сестра Мередит.

Он замолкает и, отступив, указывает на кухню. Я иду туда, откуда доносятся тихие голоса.

Эндрю замечает меня, как только я появляюсь в дверях. С противоположных концов комнаты мы смотрим друг другу в глаза, но с таким же успехом могли бы сцепиться рогами. Мне непривычно видеть его в серых брюках и темно-синем кашемировом свитере, а не в обычном строгом костюме-тройке. И все равно он выглядит так, будто, проснувшись этим утром, привычно принял душ и потратил некоторое время, приводя себя в порядок.

– Грир. – Он подходит ко мне, обнимает и крепко прижимает к себе. Раньше он никогда меня так не обнимал, даже напоказ, когда Мередит была рядом. – Я рад, что ты смогла приехать.

Эндрю отстраняется, но рук с моих плеч не убирает. Мне это неприятно. Мне неприятно, когда он прикасается ко мне. То, что моя сестра исчезла, вовсе не значит, что я забуду, что он напыщенный эгоист, который вытащил мою сестру из безвестности, чтобы обзавестись самой красивой статусной женой на этом крошечном пафосном горнолыжном курорте.

– Что нового? – Я стараюсь не обращать внимания на прикосновение его рук.

– Ничего. – Он вздыхает и озабоченно морщит лоб. Его взгляд скользит по моему плечу и останавливается на чем-то позади меня. – Бригада криминалистов изучила звонки на ее телефоне. Они запросили ее телефонные записи, но пока ничего необычного не нашли. Она ни с кем таким не переписывалась... ни с кем ни о чем не договаривалась...

– Не понимаю, что толкнуло ее на такой шаг. Вы поссорились? – спрашиваю я. – Возможно ли, что она сама куда-то уехала?

– Никоим образом. – Его брови скользят вверх. Что это? Свидетельство самозащиты или обиды на то, что я посмела предположить нечто подобное? – Это был обычный день. Я поцеловал ее на прощание, ушел на работу...

Он умолкает, и на мгновение мне кажется, что слова застревают в его горле.

– Тогда расскажи мне все. – Я опускаю руку и вздыхаю. – Мне нужно знать все.

Его взгляд встречается с моим не сразу.

– Как я уже сказал, Грир, вчера она уехала в супермаркет, и с тех пор ее никто не видел. Между нами не было никаких ссор. Никаких семейных разногласий. Мы обзвонили все местные больницы, тюрьмы, приюты. Все-все. Никто не видел женщину, соответствующую ее описанию.

– А как насчет машины? Какие-то следы?

– Никаких следов насилия, абсолютно никаких. Ее телефон и сумочка лежали на пассажирском сиденье. Ключи в замке зажигания.

– Значит, если кто-то ее увез, то она его знала.

Он пожимает плечами и растерянно разводит руками.

– Трудно сказать. Может, ее забрали силой? Я... я не знаю. Я ни черта не знаю.

Мой зять оглядывается на комнату, полную посторонних мужчин, которые, по идее, должны делать нечто большее, чем просто стоять на обставленной с показным шиком кухне, и указывает на одного из них.

– Это детектив Маккормак, – говорит он и откашливается. На его лице появляется странное выражение. Он прищуривается и кивком указывает на детектива. – Он ведет расследование.

Молодой мужчина с огненно-рыжими волосами, ямочкой на подбородке и широкими плечами крутит в руках пластиковый стаканчик с кофе. Для полицейского с опытом работы он выглядит слишком молодо. Неужели ему

действительно поручили поиски пропавшего человека?

Он слишком симпатичный, слишком гладкий, слишком юный и неопытный, чтобы находиться здесь. Ни темных полукружий под глазами, ни желтушной бледности, чтобы можно было предположить, что он каждый вечер снимает стресс с помощью упаковки светлого пива «Коорс».

– Сколько дел о пропавших без вести он раскрыл? – спрашиваю я.

– Прости, не понял? – Эндрю явно задет моим вопросом.

– Он стоит и потягивает кофе. Почему он не задает вопросы?

– Вчера он весь день разговаривал с людьми. Пока у него недостаточно зацепок, и он мало что может сделать. – Эндрю говорит тихо, как будто, если я продолжу разглядывать прохлаждающегося детектива, назначенного расследовать дело моей сестры, это поставит его в неловкое положение.

Ну и зря. Лично мне наплевать, что подумают люди.

Мое лицо принимает каменное выражение.

– Он должен пойти и найти зацепки, потому что зацепки сами не найдут его. Они не упадут с неба прямо ему на колени. Ради бога, это его работа.

– Успокойся.

Я поджимаю губы, чтобы с них не слетело ничего неподобающего.

– Тебя не беспокоит, что все просто стоят вокруг, как будто ждут телефонного звонка? – спрашиваю я. Нет, я прекрасно понимаю, что слишком остро реагирую на происходящее, но, если честно, я ожидала увидеть больше суматохи, больше активности. Отсутствие бьющей ключом энергии у тех, кто, по идее, в данный момент должен заниматься поисками моей сестры, лишь усиливает мою тревогу.

Эндрю слишком резко берет меня под руку и тянет за собой в пустой коридор рядом с кухней, подальше от орды бездельников в полицейской форме.

– В полицейском участке сидят люди, которые принимают звонки по «горячей линии». – Он вздыхает, поджимает губы, но затем продолжает говорить, понизив голос: – Фотографию Мередит показывают по всем местным новостным телеканалам, а также на десятках национальных телепрограмм. Они сняли в ее машине отпечатки пальцев и просмотрели историю звонков на ее мобильнике. Вчера я почти весь день провел в полицейском участке, рассказал им все, что, возможно, им хотелось бы знать о ней, вплоть до родинки в форме вишенки на ее левой ягодице. Поэтому, если ты хочешь сидеть здесь и вести себя так, будто никто ничего не делает, и если ты думаешь, что знаешь, как лучше, то делай это где-нибудь в другом месте.

Раньше Эндрю никогда не ругался на меня. Не хмурился, не шурился и не хватал за руку с такой силой, что его пальцы дрожали.

– Она исчезла бесследно, Грир, – говорит он, беспомощно вплеснув руками и отступая назад. – Как будто испарилась. У них ничего нет. Им не с чем работать. Мы просто... стараемся изо всех сил.

Скрестив руки на груди, я пристально смотрю на него, хотя и не знаю точно, что хочу увидеть. Такой богатый человек, как он, располагающий неисчерпаемыми ресурсами, мог бы в два счета заставить бесследно исчезнуть кого угодно, если бы захотел. Но, насколько я знаю, они оба были без ума друг от друга. Глядя на них, невозможно было заподозрить, будто он просто использовал ее ради секса, и она его – чтобы заполнить пустоту, зиявшую там, где положено было находиться отцу, которого она никогда не знала, и потому выросла, не имея рядом с собой надежного, ответственного взрослого мужчины, который бы заботился о ней.

Со временем я даже смирилась с тем, что, возможно, Эндрю – это тот, кто ей нужен, что она нуждалась в стабильности и обожании, которые он ей предлагал, потому что никогда не имела их раньше.

Из-за угла внезапно появляется детектив Маккормак. Эндрю тотчас перехватывает мой взгляд, устремленный на этого рыжеволосого красавчика.

– Извините, что прерываю вас, – говорит полицейский. – Нам только что позвонили на «горячую линию». Я должен вернуться в участок. Хочу перезвонить и задать еще несколько вопросов. Если что-то всплывет, я дам вам знать.

Навострив уши, я поочередно смотрю то на одного, то на другого, но, похоже, ни один из них не питает особых иллюзий. Наверное, уметь не тешить себя попусту надеждой – это мужское качество.

– Конечно. – Эндрю скрещивает на груди руки. Его тон больше напоминает встревоженного отца, который принимает на себя ответственность за сбежавшую дочь-подростка, а не обезумевшего от горя супруга. – Держите меня в курсе.

– Я – Грир Эмброуз, – представляюсь я, но руки для рукопожатия не протягиваю. – Сестра Мередит.

Детектив Маккормак пристально смотрит мне в лицо. Я же злюсь из-за того, что передо мной, похоже, самый красивый парень во всей Америке. Готова спорить, что в юности он был бойскаутом. Готова спорить, что он мастер вязать самые сложные узлы, умеет, высекая искры из кремня, добыть огонь, а также за три минуты установить палатку. Готова спорить, что у него было счастливое детство с прекрасными родителями, да и сам он хороший парень.

Но чтобы найти мою сестру, симпатичной мордашки будет мало.

– Ронан, – говорит он, поднимая брови. Я не уверена, чем продиктована его фамильярность – попыткой высечь искру межличностных отношений или он так поступает со всеми. – У вас найдется свободная минутка?

Лично я предпочла бы кого-нибудь постарше, с пышными седыми волосами и густыми усами. Кого-нибудь посерьезней, у кого в кабинете шкафы трещат от папок с раскрытыми делами, а стены увешаны почетными дипломами и благодарностями начальства – нечто такое, что вселило бы в меня надежду.

Передо мной же обычный парень, который, вероятно, согласился на первую работу, которую ему предложили по окончании колледжа, и он просто застрял в полиции.

Готова спорить, он не пережил ни одной трагедии и в его жизни не было человека, которого он любил бы больше всего на свете... и который бесследно исчез.

Я выхожу вслед за Ронаном из дома. Мы оказываемся под высоким, в два этажа портиком, который, словно микрофон, усиливает звуки наших шагов, каждый наш медленный, сокрушенный вздох.

– Когда у вас появится возможность, зайдите в нашу лабораторию. У вас возьмут мазок для анализа ДНК, – говорит он. – Нам нужен образец от близкого родственника – это стандартная процедура.

Я чувствую, как в висках пульсирует кровь.

– Да-да, я понимаю. Если вдруг вы найдете мертвое тело, то сможете сравнить ее ДНК с моей, чтобы узнать, она ли это.

Он молчит, но выражение его лица подтверждает мои слова.

– Моя сестра жива, – говорю я.

– Как я сказал, это стандартная процедура. Она ничего не значит.

Я качаю головой.

Как же я ненавижу это!

Ненавижу, ненавижу, ненавижу.

– Хорошо. – Я опускаю руки на бедра. – Я пройду этот ваш тест, но вы отвезете меня в вашу лабораторию и вернете сюда, а когда мы закончим, вы поможете мне найти ее.

– Так и предполагалось, мисс Эмброуз. – Его темные глаза вспыхивают. Неужели ему смешно? – Знаете, вы совсем не такая, как она.

– Это вы о чем?

– Я знаком с ней, – отвечает он. – Пару лет назад я работал над делом о преследовании. Вашу сестру преследовали. Очень милая девушка. Спокойная и

тихая.

Мои пальцы невольно тянутся к золотой цепочке на шее, теребят крошечный кулон с бриллиантами – полученный много лет назад подарок Харриса, с которым я никак не могу расстаться. Он подарил его мне в первую годовщину нашей совместной жизни после того, как месяц трудился в копировальном центре Студенческого союза, чтобы накопить на покупку. Довольно уродливая вещица с крошечными бриллиантами, которую давно пора хорошенько почистить, но я никогда не забуду, какой гордый у него был вид, когда он вручил мне маленькую коробочку, выложенную изнутри бархатом. Мы с ним ужинали в моей комнате в общежитии, ели лапшу «Рамен».

– Мередит никогда не говорила мне, что ее кто-то преследовал.

Охваченная нехорошим предчувствием, я отвожу взгляд. Чего еще я не знаю?

Он поджимает губы и оглядывается, как будто молча пнул себя за то, что сболтнул лишнее.

– Да. Было дело.

– Вы узнали, кто это был? Как, по-вашему, это может иметь отношение к ее исчезновению? Почему она ничего мне не сказала? – Я едва не срываюсь на крик. – Она обычно рассказывает мне все. Это ведь очень серьезное дело, чтобы скрывать его от родной сестры, вам так не кажется?

– Может, просто не хотела вас волновать? – Его взгляд смягчается, и через пару секунд он видит перед собой мнительную невротичку, какой я всегда была. – Послушайте, я уверен, что у нее имелись на то причины.

Да. Причины у нее наверняка были. Даже не сомневаюсь.

Глава 5

Мередит

Тридцать два месяца назад

Кровь.

Повсюду кровь: она капает с моих бедер, размазана по мраморному полу ванной комнаты, стекает по внутренним стенкам нашего девственно чистого унитаза.

Рядом с моим зеркалом стоит синяя коробочка с положительным тестом на беременность. Я собиралась рассказать Эндрю сегодня вечером. Я все спланировала. Романтический ужин в ресторане «Скай Порт», фантастическая поездка по горам и важное признание в самом конце, вместе с прочувствованным письмом, которое я сочиняла все вчерашнее утро.

Главным образом это был «словесный понос», рассуждения о том, что я никогда не знала своего отца и что, глядя на него, когда он рядом с Изабо и Колдером, я испытываю благодарность судьбе за то, что теперь и я пройду этот путь. Я изливала свои соображения о том, какое удивительное чувство защищенности обрела благодаря ему, как прекрасно жить, зная, что любима. Письмо получилось таким длинным, потому что, если честно, я не могла просить у судьбы лучшего отца для моего еще не рожденного ребенка, чем Эндрю, и я хотела, чтобы он это знал.

Наверное, это выглядело глупо и немного по-детски, но я подумала, что неплохо спрятать письмо в каком-нибудь детском альбоме и прочитать через много лет.

Мы пока еще не говорили о детях. В прошлом месяце задержка застала меня врасплох. Я немного растерялась и решила пока ничего не говорить Эндрю. Мне с трудом верилось, поэтому я выждала месяц, прежде чем сделала тест на беременность – просто чтобы окончательно убедиться.

Похожие на схватки боли внизу живота начались вскоре после обеда и усиливались с каждым часом. Сначала я не поверила и бросилась искать в Гугле «ранние схватки при беременности», как можно быстрее печатая эти слова, но, почувствовав, как по внутренней стороне бедер стекает струйка крови, и корчась от боли так, что едва не рухнула на колени, выпустила из рук телефон.

– Мер, ты здесь? – доносится из-за двери ванной голос Эндрю. – У нас заказан столик. Через полчаса нужно быть на месте. Я с нетерпением ждал этого момента весь день.

В его голосе слышится волнение. Зажав между ног белое полотенце и глубоко дыша, я прислоняюсь к двери ванной. Я не хочу, чтобы он видел меня такой.

– Я выйду через секунду, – отвечаю я, и мой голос дрожит. Я собираюсь с силами, чтобы привести себя в порядок и принять более-менее презентабельный вид. Я не уверена, смогу ли сейчас выйти отсюда и, словно ничего не случилось, сесть напротив него за столик ресторана, но попытаюсь.

Насколько я понимаю, срок был небольшим.

Я еще не была у врача. Мне еще не делали УЗИ и не подтверждали беременность – посещение клиники было запланировано на ближайшие недели. Но сегодня вечером исполняется ровно четыре месяца со дня нашей свадьбы, и я подумала, что это будет особый способ отметить наш скромный юбилей.

Стоя на четвереньках с бутылкой чистящего средства для ванной в одной руке и рулоном бумажных полотенец под мышкой в другой, я пытаюсь оттереть пятна подсыхающей крови на плитке пола – крови, которая когда-то наполняла мою опустевшую матку.

Это несправедливо.

– Мередит! – Услышав голос Эндрю, я испуганно вздрагиваю и оборачиваюсь. Он застыл в дверях. Я не слышала, как он вошел. – Боже мой, что случилось?

Вместо того чтобы пробормотать хотя бы слово, я реву. Эндрю не видел у меня ни единой слезинки, и вот я безудержно рыдаю. Все мое тело содрогается, горячие слезы застилают глаза.

Я чувствую себя... опустошенной.

В буквальном смысле опустошенной.

Вся моя любовь, все мои надежды... растаяли как дым, как будто их не было вообще.

Взяв меня за руки, он опускается на колени, притягивает меня к себе и обнимает.

– Говори, в чем дело.

– Я собиралась сказать тебе, – говорю я, чувствуя, как у меня сжимается горло.

– Сказать мне что? – спрашивает он, затем немного отстраняется, хотя и не выпускает из объятий, и буквально прожигает меня взглядом.

– О беременности. – Я не могу заставить себя произнести слово «ребенок». Не сейчас.

Он замолкает, и его рука, которая только что ласково поглаживала мою ладонь, замирает. Мгновение спустя он отстраняется и пристально смотрит мне в лицо.

– Ты была беременна? – спрашивает он. Его лицо бесстрастно.

Я так сильно прикусываю губу, что чувствую во рту вкус крови, и киваю.

– Да. Была.

Эндрю встает, потирает переносицу и вздыхает. Через несколько секунд он начинает расхаживать по пяточку обесцвеченного моющим средством пола.

– Эндрю... – Тыльной стороной ладони я вытираю глаза и заставляю себя встать. Это не совсем та реакция, которую я ожидала от него.

– Я думал, что ты принимаешь таблетки, разве не так? – Он проводит рукой по щеке и смотрит куда-то в сторону.

– Я... да... принимала, – говорю я. – Наверно, я пропустила одну таблетку в какой-то из дней. Я не помню. Я просто не знаю, как так случилось.

Эндрю застывает на месте и пристально смотрит на меня.

- Такое не должно повториться, Мередит.

У меня нет слов. Я утратила дар речи. Я гляжу на мужчину, за которого вышла замуж, мужчину, с которым собиралась провести остаток моих дней, представляя себе детскую коляску, штакетник, лужайку у дома и все такое прочее, - и не узнаю его.

С таким же успехом он может быть мне совсем чужим. Кипящий от гнева незнакомец с побагровевшим от ярости лицом. Я никогда раньше не видела его таким: это реальный, неподдельный гнев. Он смотрит на меня так, будто я только что предала его, предала его доверие, и мое первое инстинктивное желание - поскорее убраться отсюда.

Что я и делаю.

Не обращая внимания на огненную печь внизу живота, я прохожу мимо Эндрю и роюсь в своей половине шкафа, срываю с деревянных вешалок джинсы и свитера и сбрасываю в кучу столько, сколько смогу унести. Затем поворачиваюсь, чтобы уйти, но он перегородил собой проход.

- Что ты делаешь? - Выражение его лица смягчается, от ярости не остается и следа - словно ее и не было, словно мне показалось. - Ты никуда не уйдешь.

Превозмогая боль, я делаю шаг вперед.

- Конечно, уйду.

Он подходит, выхватывает из моих рук одежду и бросает на пол у наших ног. Она с глухим шлепком падает на плюшевый коврик.

- Нет, нет и нет, - заявляет он, как будто разговаривает с человеком, решившим прыгнуть с крыши небоскреба. - Ты этого не сделаешь. Это не очень хорошая идея.

По моей щеке скатывается крупная слеза.

Эндрю вытирает ее.

- Прости, - говорит он.

Я ничего не отвечаю.

- Я был в шоке, - продолжает он. Теперь его голос мягок, а взгляд - еще мягче. - Я не выбирал слова... Я не должен был так реагировать... Я не хотел тебя расстраивать. - Он убирает от моих глаз прядь волос. - Я должен был обнять тебя и утешить. Ты моя жена, Мер. Ты - любовь всей моей жизни. Тебе было больно, я же думал только о себе. Я был не прав... ты ведь простишь меня?

Наши взгляды встречаются, и это продолжается целую вечность, но я не могу выбросить из памяти его лицо, каким оно было несколько минут назад. Его нахмуренные брови. Его стиснутые зубы. Его раздувающиеся ноздри. Ледяной холод в глазах.

Он целует меня. Его губы теплые и нежные, его руки запутались в моих волосах, но все не так, как раньше. Все испорчено, разрушено, погублено.

Руки Эндрю скользят по моим рукам. Его пальцы замирают на моих ладонях и переплетаются с моими пальцами. Он целует меня в лоб и медленно, еле заметно улыбается.

- Мы еще не говорили о создании семьи, - говорит он.

- Но так получилось.

- Знаю, - говорит он и, наклонив голову, смотрит на меня. - Просто отныне будь осторожна, хорошо? Ты будешь самой красивой мамочкой... когда-нибудь. А пока я хочу наслаждаться тем, что мы имеем сейчас. Куда нам торопиться? У нас ведь все идеально, тебе не кажется?

Он подносит мою руку к губам и приникает к ней долгим поцелуем. Я тотчас переносусь в прошлую ночь, когда он шептал мне на ухо, что его жизнь наконец стала идеальной, я же могла думать лишь о том, насколько идеальной она станет с ребенком.

Как же я ошибалась!

– Я пока не готов делить тебя с кем-то еще, – говорит он, то ли поддразнивая меня, то ли всерьез. – Извини, но я хочу, чтобы ты как можно дольше была только моей.

Еще неделю назад эти слова вызвали бы у меня трепетание бабочек в животе и тепло в груди, но в этот момент я ничего не чувствую.

Его слова, его прикосновения... они оставляют меня равнодушной.

– Я хочу лечь, – говорю я, высвобождаю руки из его ладоней и возвращаюсь в спальню.

Он не удерживает меня, и я заползаю под грудку плюшевых покрывал на нашей огромной кровати. Перекатившись на бок, я закрываю глаза и вдыхаю запах лаванды, исходящий от наших чистых, идеально отутюженных простыней.

Мягкий ковер гасит его шаги, затем раздается тихий скрип двери, и воцаряется мертвая тишина.

– Мередит. – Некоторое время спустя шепчет мне на ухо мой муж. Я не знаю, как долго лежу здесь, и не слышала, когда он вернулся. Кровать с моей стороны прогибается. – Я принес тебе воды и обезболивающее. Сядь.

Открыв глаза, я поворачиваюсь к нему и приподнимаюсь. Он взбивает подушки у меня за спиной, кладет в мою ладонь две коричневые таблетки и протягивает стакан воды без газа.

Свет из нашей ванной отбрасывает на стену тени. Я смотрю, как он отходит от меня и, прежде чем лечь в постель, надевает шелковую пижаму.

– Я отменил наш заказ, – сообщает он, придвигаясь ближе и обнимая меня. Он притягивает меня к теплоте изгиба своего плеча и опускает подбородок на мою голову. – Я здесь ради тебя, Мер. Твои желания для меня закон.

В этот момент я почти забываю о том, что случилось сегодня.

Глава 6

Грир

День второй

Я сижу на металлическом раскладном стуле в кабинете Ронана, и женщина в латексных перчатках палочкой с ваткой берет мазок с внутренней поверхности моих щек. В дверной проем комнаты отдыха мне видно, как он наливает себе кофе из заляпанного бурыми потеками автомата на стойке рядом с желтого цвета холодильником.

Он пьет черный кофе. Без сливок и без сахара.

Мои любимые клиенты в моем городе пьют черный кофе. Это те, у кого нет времени на всякую фигню. Они не толпятся у прилавка, болтая о погоде или предстоящем отпуске в Хэмптонсе. Они встают в очередь, платят пять баксов и уходят со стаканчиком горячего высококачественного кофе.

Я попытаюсь проникнуться симпатией к этому детективу, каким бы неопытным он ни казался. Он еще вполне может меня удивить.

Будь здесь Харрис, он наверняка сказал бы мне, что нехорошо судить о людях, не зная их лично. А я напомнила бы ему, что поступаю так, когда волнуюсь. Когда я теряю контроль над ситуацией, я зацкливаюсь на других людях, начинаю придираться к ним, хотя бы для того, чтобы как-то отвлечь свой измученный разум. Это ужасная привычка, от которой я давно пытаюсь избавиться.

– Все готово, мисс Эмброуз, – говорит женщина, убирая тампон в пластиковый пакетик.

Я не благодарю ее. Она не благодарит меня. Благодарят лишь за счастливые случаи.

Ронан возвращается, садится за стол и запускает компьютер. Тот меланхолично тренькает. Черный экран оживает. Через мгновение женщина уходит и закрывает за собой дверь; я же смотрю, как Ронан проверяет электронную почту.

– Вам удалось связаться с тем человеком? – спрашиваю я.

– Что-что? – Он смотрит на меня поверх экрана, словно забыв, что я здесь. Мне остается лишь надеяться, что он настолько поглощен своим занятием, что глубоко погрузился в собственные мысли и оторвался от реальности.

– Зацепка. Вам позвонили... по «горячей линии».

– Верно, – говорит он, постукивая пальцами по столу, и переключает внимание на меня. Взяв в руку мягкий шарик «антистресс», он сжимает его в кулаке, затем откидывается на спинку стула и сверлит меня взглядом, словно пытается раскусить меня, понять, кто я такая. Возможно, это типичный прием всех полицейских. Может быть, они ведут себя так со всеми: бесцеремонно тебя изучают. Правда, Ронан все еще похож на хорошего парня, а когда хороший парень совершает глупость, мне так и хочется заорать во весь голос. На мгновение прикрыв глаза, я вспоминаю Харриса, представляю, как он берет меня за руку и говорит, чтобы я сделала глубокий вдох. Он всегда поступал так раньше, когда мы открыли наш третий магазин и мой невроз достиг пика. – Они не ответили. Я оставил сообщение. Продиктовал номер своего мобильного.

При всем желании я не смогла бы скрыть разочарования. По-прежнему пристально глядя на меня, Ронан крепче сжимает в руке мячик.

– Вы не похожи на нее.

– Мы – сводные сестры, – говорю я. – Она похожа на своего отца, я – на своего.

Ни она, ни я не похожи на мать, и я каждый день благодарю за это мои счастливые звезды. Не то чтобы наша мать была дурнушкой. Нет, она красива.

Просто я не хотела бы каждый день смотреться в зеркало и видеть... ее.

– Родилась и выросла в Нью-Йорке, – заявляет он, как будто это его забавляет, как будто это какая-то диковинка.

– Откуда вы знаете?

– Я помню, как разговаривал с ней несколько лет назад, – говорит он. – Ваша сестра сказала, что она из Квинса, и я спросил, почему у нее нет акцента.

– Не у всех есть акцент.

– Да, но меня поразило то, что она сказала в ответ. – Он прищуривается. – Она сказала, что ваша мать заставляла вас смотреть вечерние новости и подражать тому, как говорят дикторы.

Я опускаю глаза и вспоминаю все эти ужины за обшарпанным дубовым столом под аккомпанемент вечерних теленовостей, обрушивавших на нас трагические события дня. Мать подает нам разогретые в микроволновке гамбургеры и рассуждает о том, что важно говорить правильно, как светские, образованные люди, которыми нам никогда не стать.

– Люди услышат, что вы говорите так, как говорят в Квинсе, и сделают соответствующие выводы, – обычно изрекала она. – И даже если они не станут осуждать вас, вы все равно вызовете у них раздражение.

У Мередит такой проблемы не возникало, но ведь она и моложе. Я же старше ее на восемь лет, а значит, в течение восьми лет я старалась избавиться от привычного говора и заменить его тем, что мне самой казалось акцентом.

– Скажите спасибо Бренде Эмброуз, – говорю я.

– Вы ведь близки? Вы, Мередит и ваша мать?

– Я не понимаю, какое отношение это имеет к поиску моей сестры.

– Просто пытаюсь рассмотреть дело со всех сторон, – говорит он, бросая мячик на стол. Тот катится по столешнице и скрывается за клавиатурой. – Доказательства есть везде.

– Ну да, моя сестра пошла в магазин за продуктами и исчезла. Я очень сомневаюсь, что наша мать или мои с ней отношения как-то связаны с этим. – Мои слова вспарывают душный воздух комнаты. – И если вы будете так любезны и начнете искать мою сестру, для чего будете задавать важные вопросы людям, которые действительно могут знать о том, что произошло, я была бы вам благодарна.

– Важная персона – это вы, Грир, – усмехается он.

Я встаю, перебрасываю ремешок сумочки через плечо и крепко его сжимаю.

– Нас с сестрой разделяли тысячи миль и десятки штатов. Могу заверить вас, что бы там ни случилось... Я ничего об этом не знаю.

– Я не утверждаю, что вам известно, что произошло, – говорит он, несколько не смутившись моей резкостью. – Я говорю лишь, что вы могли бы предоставить нам информацию, которая помогла бы мне двигаться в нужном направлении.

– Если бы я хоть что-то знала, детектив, поверьте, я бы непременно сказала вам.

Опираясь ладонями о столешницу, Ронан встает и выгибает спину. Его взгляд скользит мимо моего плеча к узкой полоске стеклянной вставки закрытой двери кабинета.

– Послушайте, я хочу найти ее так же, как и вы, – говорит он. – И я обязательно ее найду. Просто вы должны сотрудничать с нами. Расскажите мне о ней все, что можете, даже если это вам кажется несущественным. Вы наверняка знаете ее лучше, чем кто-либо другой, может быть, даже лучше, чем ее муж.

– Я более чем готова сотрудничать и не хочу показаться резкой, но, ответьте мне, как мои детские воспоминания помогут вам отыскать мою сестру?

Он смотрит на меня с прищуром.

– Мы должны рассмотреть все версии. – Он вздыхает. – В том числе и вероятность того, что, возможно, ее не похитили... что, возможно, она уехала сама, добровольно.

– Если бы моя сестра хотела уехать, она бы призналась мне. Она не бросила бы свои вещи в машине на парковке супермаркета, – говорю я.

Я поворачиваюсь к выходу, собираясь покинуть комнату, но Ронан быстро обходит стол и кладет руку на стекло двери. Он смотрит на меня.

– Скажите, ваша сестра не пыталась развестись с мужем по какой-то причине? – спрашивает он. – Было ли в ее словах и поступках нечто такое, что вас насторожило бы? Какой-нибудь намек? Может, у вас были какие-то смутные подозрения? Может, она вела странные разговоры?

Я вздыхаю.

– Она любила его. И даже если больше не хотела жить с ним, она никогда мне ничего не говорила.

– Вы никогда не замечали того, что, возможно, они не так счастливы, как могло показаться со стороны... Например, как он разговаривал с ней, как к ней относился?

– Он обращается с ней как с породистой лошастью, выставляет напоказ, балует ее. – Я складываю руки на груди. – Пусть он жутко раздражает меня, но ее он любит. Это невозможно отрицать.

– Значит, ничего не было, – произносит полицейский, словно ему нужно что-то объяснить в четырнадцатый раз. Мне, конечно, понятна его дотошность, но это уже перебор.

– Если бы моя сестра хотела развестись, она бы бросила его и вернулась в Нью-Йорк. Она знала, что моя дверь всегда открыта. Я лично сказала ей это. Еще до того, как они поженились.

– Значит, у вас когда-то был такой разговор? – спрашивает он. – О том, как она поступит, если вдруг захочет развестись?

– А как насчет кое-чего другого? – говорю я, чувствуя, что мое терпение вот-вот лопнет. – Не желаете отложить свой потрепанный экземпляр «Исчезнувшей девушки» и вернуться к реальности, чтобы найти мою сестру? Например, поговорить с этим самым преследователем. Вдруг он как-то с этим связан?

Пронзительный звонок настольного телефона не дает ему вставить слово. Он обходит вокруг стола и после второго звонка берет трубку.

– Да, соединяй, – говорит Ронан через несколько секунд и прикрывает трубку рукой. – Это «горячая линия».

Он жестом предлагает мне уйти.

– Я никуда не пойду, – отвечаю я и застываю на месте.

– Вам нельзя здесь оставаться, – торопливо говорит он. – Это конфиденциальный разговор. Наши внутренние дела. У нас в отделе такой порядок.

Взяв несколько визитных карточек из открытой коробки на краю стола, он подталкивает их ко мне.

– Раздайте их всем, кто знал вашу сестру, – говорит он. Мне неприятно, что он использует слово «знал»... как будто думает, что она исчезла навсегда. – Даже если они хотя бы продали ей чашку кофе, я хочу поговорить с ними. Я уже опросил всех, кого мог, но ваша помощь тоже была бы не лишней.

Мой взгляд падает на стопку визитных карточек, затем снова на него.

Что ж, оно даже к лучшему: мне будет чем занять себя. Когда я сижу, сложа руки, погружившись в свои мысли, утонув в собственной тревоге и бессилии, я начинаю кидаться на людей.

– Детектив Маккормак, – произносит он в трубку, встречаясь со мной глазами. Он указывает на дверь, и я решаю, что лучше не мешать ему работать, потому что

сейчас самое главное – это найти Мередит. Вновь прикрыв трубку ладонью, он говорит мне: – Подождите у стойки регистрации. Как только освобожусь, я отвезу вас обратно в дом Прайсов.

Я направляюсь в вестибюль. Там никого нет, кроме меня и дежурной, женщины в полицейской форме, которая краем глаза наблюдает за мной. Наверно, ей любопытно или же ей интересно, что я думаю или как к этому отношусь. Возможно, она спрашивает себя, как она поступила бы на моем месте. Возможно, такова человеческая натура, но мне все равно. Пусть наблюдает за всем, что ей хочется, и думает все, что угодно. Мне давно наплевать на то, что кто-то может подумать обо мне.

Жаль, что я не могу сказать того же о Мередит.

Когда мы были моложе, я вечно внушала ей, чтобы она перестала пытаться угодить всем подряд. Я говорила ей, что нет ничего страшного в том, если каким-то людям она не нравится, это просто значит, что она что-то делает правильно.

Мы не обязаны становиться лучшими друзьями с каждым, кто встретится нам на жизненном пути. Большинству людей на нас наплевать. Возможно, я цинична, но я давно убедилась, что так оно и есть.

Я отчетливо помню, как однажды сказала ей, что, если она и дальше станет говорить людям то, что они хотят от нее услышать, то когда-нибудь это приобретет для нее неприятные последствия.

Но моя сестра была мягкой, как воск.

Она буквально впитывала в себя черты тех, кому в тот момент ее жизни удавалось завладеть ее вниманием, менялась, превращаясь в ту, кем ее хотели видеть, потому что тогда они будут больше ее любить. И я ее не виню. Это в наших генах. Наша мать точно такая же.

Если кто-то и был способен подавить в себе эту слабость, то только я.

– Вы готовы? – Ронан появляется в дверях вестибюля. В нем незаметно бодрости духа, в его глазах нет жизни, и все это говорит о том, что, возможно, он узнал нечто не слишком хорошее.

Взглянув на дежурную, я понимаю: не стоит выпрашивать его о телефонном звонке в присутствии коллеги, но как только мы садимся в машину, меня уже не сдерживает ничто.

Глава 7

Мерedit

Тридцать месяцев назад

– Все собрала? – Я стою в дверях комнаты моей падчерицы Изабо, глядя, как она запихивает в чемодан с монограммой измятую одежду. Она игнорирует меня, я же не обращаю внимания на то, что для десятилетнего ребенка она чересчур капризна. Я считаю, что в этом виновата ее мать. – Твоя мама будет здесь с минуты на минуту. Ты знаешь, как она сердится, когда ты не готова.

Не дай бог Эрике прождать лишних три минуты! Она ведет себя так, будто перед ней разверзлись огненные врата ада, отказываясь приблизиться даже на шаг.

Я смотрю на часы. Изабо вздыхает. Ей не нравится, что я здесь. Когда я впервые приехала сюда, она тут же заявила отцу, что не пустит меня в свою комнату, на что он незамедлительно отреагировал тем, что на пять дней конфисковал ее заветный айфон – худшее из наказаний, на какое родитель может обречь современного ребенка.

С тех пор она на дух меня не переносит.

– Я знаю, когда придет моя мама, – говорит она. – Она каждую неделю приходит в одно и то же время. Тебе не нужно напоминать мне об этом.

Я сокрушенно скидываю руки.

– Я просто пытаюсь быть полезной, Из.

Она встает и застегивает молнию на сумке.

– Терпеть не могу, когда меня так называют.

Она не скрывает своей ненависти ко мне. Впрочем, я ее не виню. Еще минуту назад ваша семья была крепкой и дружной, а в следующую родители разводятся. Отец влюбляется в чужую женщину, которая внезапно пытается завязать с ней неестественную дружбу.

Эндрю уверяет меня, что Изабо, как и Грир, требуется время, чтобы потеплеть к постороннему человеку. Он уверен, что однажды мы с ней станем лучшими друзьями. Но мне не нужно быть ее лучшим другом. Я хочу лишь, чтобы наши отношения не были такими напряженными и неловкими половину моей жизни.

Звонок в дверь. Я уверена: это Эрика. Интересно, каково ей звонить в дверь дома, который она когда-то делила со своим мужем? Мне также не дает покоя вопрос, бывает ли ей вдвойне обидно всякий раз, когда дверь открываю я?

– Колдер! – зову я. Затем прохожу по галерее второго этажа и стучу ему в комнату. За дверью грохочет музыка, поэтому я стучу громче. Он не отвечает. Тогда я открываю дверь и вижу: устроившись перед телевизором, он играет в какую-то видеоигру, где стреляет во все, что движется. – Колдер, приехала твоя мама.

Он ставит игру на паузу и, понурился плечи, бросает пульт на пол. Его кожаный рюкзак набит до отказа и застегнут лишь наполовину. Колдер забрасывает его через плечо. Наши взгляды встречаются.

Колдер почти не разговаривает со мной. Он не сказал мне ни слова с тех пор, как Эндрю-отец нашел под его матрасом мои трусики, а в нижнем ящике комода рядом с пижамой – мой любимый бюстгальтер «Агент Провокатор». Я регулярно ловлю на себе взгляд мальчишки: его глаза имеют привычку задерживаться там, где им не место, а в прошлом месяце он сунул нос в душ, когда я там мылась, –

подозреваю, скорее нарочно, нежели случайно. Эндрю объясняет это тем, что Колдеру четырнадцать. В этом возрасте уже проявляют интерес к противоположному полу, вот и все. Как только мальчик начнет воспринимать меня как мать, все это наверняка прекратится.

И ни слова о том, что я слишком молода, чтобы быть его матерью.

Колдер, не говоря ни слова, протискивается мимо меня и вприпрыжку спускается по изогнутой лестнице к входной двери. Я даже не пытаюсь его остановить. Если хочет, пусть открывает сам.

Выходя из его неприглядного подросткового логова, я вижу Изабо. Она спускается по лестнице к матери. Ее растрепанные волосы взлетают волной, ее пухлое личико сияет.

С галереи мне виден весь холл. Я наблюдаю, как Эрика приглаживает темные волосы сына, а затем ласково берет его щеки в свои ладони.

– Каждый раз, когда я вижу тебя, ты все больше похож на кожу да кости, – говорит она и цокает языком. – Неужели Мередит не кормит тебя?

Он вырывается из ее рук, его глаза прикованы к телефону.

– Да, мама.

Изабо обнимает мать за точеную талию. Если кто-то тощит прямо на глазах, так это Эрика. После развода она придерживалась строгой диеты, состоящей из протеиновых коктейлей и водки с тоником. Во всяком случае, так утверждает Эндрю. Его это забавляет. Он утверждает, что она пытается конкурировать со мной. Ее ревность вызывает у него улыбку. Я бы наверняка переживала по этому поводу, не знай я, каким кошмаром были для него шестнадцать лет жизни с ней – измены, транжирство, бесконечные упреки и ссоры.

Эрика – воплощение типичной домохозяйки из Глейшер-Парка: заносчивая, мелочная и с аллергией на доброту.

– Когда ты в последний раз расчесывала волосы, моя милая? – говорит она своей дочери. – Они запутаны. Какой ужас!

Изабо заправляет заляпанную какао прядь волос за ухо.

– Мередит отказывается меня причесывать, мама. Я просила ее, но она всегда говорит, что слишком занята.

У меня отвисает челюсть. Я уже почти готова сбежать вниз по лестнице и заставить эту нахалку признать, что она нагло лжет, но воздерживаюсь. Я знаю, почему она так поступает. Ей требуется внимание и сочувствие матери, и если ложь обо мне – единственный способ этого добиться, то я, так и быть, стерплю и проявлю великодушие. Пока.

Рано или поздно правда всплывет. К тому же Изабо может осмелиться на куда более разрушительную ложь.

– Мередит, это ты там наверху? – кричит Эрика. – Не желаешь спуститься и поздороваться или будешь стоять там в тени, подслушивая наш разговор?

Вот стерва!

– Не хотела вам мешать, – отвечаю я. – Подумала, что буду лишней.

– Как мило с твоей стороны, – щебечет она. Ее голос такой же фальшивый, как и ее силиконовая грудь, и роскошный темно-каштановый оттенок сидящей гривы.

Скользя ладонью по полированным деревянным перилам, я со скромной улыбкой спускаюсь по лестнице, но, как только дохожу до нижней ступеньки, мой телефон извещает меня о текстовом сообщении. Настроение мгновенно портится, когда я читаю, что вечером Эндрю задержится и не успеет домой к ужину.

– Проблемы в раю? – Эрика даже не пытается спрятать ехидную улыбочку, в которой растягиваются ее перекачанные ботоксом губы.

– Вовсе нет. – Я держу голову высоко, смело встречая ее любопытный взгляд. Она позорит себя попыткой заставить меня усомниться в моем браке.

– Дай угадаю, он тебя продинамил? – спрашивает она. – Должен в миллионный раз работать допоздна?

– Я не намерена это обсуждать.

– Что ж, согласна. – Пристально глядя на меня, Эрика натягивает на изящные руки черные кожаные перчатки. – Дети. В машину. Быстро.

Волоча за собой свои сделанные на заказ чемоданы, Колдер и Изабо выходят из дома. Сложив руки на груди, Эрика подходит ко мне. Ее каблуки звонко цокают по мраморному полу.

– Ты напоминаешь мне меня шестнадцать лет назад, – говорит она. – Тот же блеск в глазах. Сияющее лицо. Наслаждайся жизнью, пока можешь, Мередит. Пока ты для него все еще зеница ока.

– Зачем вы говорите мне эти гадости? – Я возмущенно морщусь нос.

– Просто советую быть осторожней, – говорит она, изогнув тонкие брови. – Как женщина женщине. Сама знаешь.

– Желчность и ревность вряд ли пойдут вам на пользу.

Эрика смеется.

– Милочка, ты последний человек на свете, кому я бы позавидовала. Ты думаешь, я каждую ночь плачу в подушку, что потеряла его? Если честно, единственное, что я презираю во всей этой ситуации, – это то, что она унижительна. Мой муж, с которым я прожила шестнадцать лет, бросает меня и берет девчонку вдвое его моложе... Поговорим о шаблонах. Ты – эквивалент сияющего нового «Порше» для мужчины средних лет. Обыкновенная секс-игрушка. Настанет день, когда новизна и возбуждение уйдут, и тогда он обменяет тебя на что-то еще. Это в его духе. Ему невозможно угодить. Ему вечно подавай нечто новое, стильное, лучшее, более волнующее.

- Как трогательно, Эрика! Спасибо.

Я решительно подхожу к двери и широко распахиваю ее, лишь бы только она поскорее вышла вон и избавила меня от необходимости выслушивать ее речи.

Она презрительно фыркает, на секунду задерживается рядом со мной и наконец уходит. Впрочем, как только Эрика попадает в объятия морозного воздуха Глейшер-Парка, она снова поворачивается ко мне.

- Когда-нибудь ты увидишь, что я была права. Скорее всего, ты не пожелаешь это признать, но вспомнишь меня. И в глубине души ты это признаешь. И мне не будет тебя жаль, потому что я тебя предупреждала. - Ее карие глаза в упор смотрят на меня, и в их уголках появляются лучики морщинок. - Ты для него всего лишь новинка. Скоро сама в этом убедишься.

- До свидания, Эрика. - Я закрываю дверь, стараясь не хлопнуть слишком громко. Не хочу, чтобы она уехала, довольная тем, что ее слова задела меня, даже если они действительно меня немного встревожили.

Но ненадолго.

Шагая прочь, я отправляю Эндрю эсэмэску - мол, даже хорошо, что сегодня он работает допоздна, и предлагаю принести ужин ему в офис. Если мы не можем сегодня вечером пойти куда-то поужинать, я устрою ему свидание на работе. Через минуту звонит мой телефон.

- Ты бесподобна, Мер. Я только «за».

- Я принесу твое любимое блюдо, - говорю я. - Филе-миньон из «Сентро», средней прожарки, с запеченной в духовке спаржей, и салат, приправленный заливкой из бальзамического уксуса.

- Ты хорошо меня изучила, - говорит он, и я слышу улыбку в его голосе. - Не могу дождаться той минуты, когда увижу тебя.

- Буду там через час. И обязательно оставь место для десерта. - Я покусываю ноготь большого пальца в надежде, что он прочтет между строк, даже не видя

дьявольского огонька в моих глазах.

– У меня уже прямо сейчас стоит, – раздается в трубке его хриловатый шепот, и по моему телу пробегает приятная дрожь предвкушения.

Эрика понятия не имеет, о чем говорит. Я могу быть его игрушкой, но он и моей тоже. Добавьте в это уравнение любовь, и нас не остановить.

– Буду скоро... – Я вешаю трубку и бегу наверх, чтобы надеть под джинсы и свитер что-нибудь особенное.

Глава 8

Грир

День третий

С трудом верится, что сорок восемь часов назад, как и в любой другой понедельник, моя сестра ездила по этим улицам по своим повседневным делам. И вот я здесь, топаю по заснеженным тротуарам, хожу от двери к двери, пытаюсь заставить хотя бы одного из ее соседей ответить на мой звонок.

Похоже, никого нет дома.

Или если они дома, то не горят желанием разговаривать с какой-то странно одетой во все черное женщиной, которая явно не отсюда.

И я отлично их понимаю.

Прошлым вечером телефонная наводка Ронана оказалась пустышкой – или, по крайней мере, так он заявил, когда я спросила его по дороге домой. Просто какая-то женщина якобы видела девушку, подходящую под описание Мер, в кузове ржавого фургона, катившего в восточном направлении по трассе И-70. Единственное, что он мог, – это зарегистрировать звонок и надеяться, что позже

он сможет связать эти показания с чем-то более существенным.

Если честно, вид у него оставался таким же подавленным, как и у меня накануне вечером. К тому же я так устала, что даже не стала пытаться вытянуть из него что-то еще. Высадив меня у дома Эндрю и Мередит, он пообещал связаться со мной.

Шагая к гигантскому бревенчатому дому с каменным фундаментом и красной жестяной крышей в окружении вечнозеленых растений, я снимаю правую перчатку и поднимаюсь по ступеням крыльца. Я успеваю постучать лишь дважды, и вот какая-то женщина уже открывает дверь.

У нее молочно-белая кожа, коротко стриженные платиново-русые волосы, ясные голубые глаза и заостренный носик. Ее гибкое тело служит своего рода преградой между мной и внутренней частью дома.

– Вы Эллисон Росс? – спрашиваю я. Я не говорю ей, что нашла ее имя на веб-сайте округа Глейшер, пока шла сюда, хотя точно помню, что Мередит упоминала ее пару раз.

Она хмурит брови и переминается с ноги на ногу.

– Кто вы? Вы из газеты? Я не даю интервью о Мередит Прайс.

– Я ее сестра.

Выражение лица Эллисон смягчается. Она облизывает розовые губы и бросает взгляд через мое плечо. Ее глаза беспрестанно оглядывают все вокруг, ее движения быстрые и изящные.

– Входите, – говорит она, жестом приглашая меня следовать за ней.

Я захожу в дом и на мягком шерстяном коврикe в темной передней снимаю свои заснеженные ботинки. Дом скорее похож на загородный, в нем чисто и аккуратно, пахнет свежим кофе, но его размеры не дают ощутить настоящий уют.

– Я просто пытаюсь найти кого-то, кто, возможно, знал... знает мою сестру, – говорю я. – Кого-то из здешних жителей. С кем она могла бы часто общаться.

Только сейчас я замечаю мешки под глазами Эллисон и красную сеточку капилляров на их белках. Похоже, она плакала. Или не выпалась. Или и то, и другое.

– Мы с Мередит были близки, – говорит она дрогнувшим голосом, глядя на пейзаж на стене за моей спиной. – Проводили вместе много времени.

Эллисон дрожит и машинально поглаживает руки от плеча до кисти, как будто это может унять дрожь, сотрясающую ее худенькое тело.

– Никто не пришел спросить меня о ней, понимаете? – говорит она, быстро взглянув мне в глаза. – Я была ее подругой, и никто не спросил, знаю ли я что-нибудь.

– Вам что-то известно? – Я вопросительно поднимаю бровь, и мой взгляд останавливается на ее лице.

– Нет, – отвечает она. – Ничего. Но вам не кажется, что это тоже о чем-то говорит? Кто-то скажет, что, мол, она ушла сама, но Мередит, которую я знаю, никогда бы этого не сделала.

– Думаете, ее кто-то похитил? – спрашиваю я.

Эллисон пожимает плечами и открывает рот, но отвечает не сразу.

– Я склонна так думать, да. Или же...

– Или же что? – У меня нет времени на колебания и сомнения.

– Несколько месяцев назад я поздно вечером выбежала в магазин купить молока, – говорит она, осторожно подбирая слова. – Я увидела на бульваре Хансвелл грузовик, и мне показалось, что в нем была Мередит.

Мой пульс учащается.

– Но та женщина в грузовике... она улыбалась и смеялась. Я видела ее только сбоку. На ней была ярко-красная спортивная шапочка с пушистым белым помпоном... Я никогда не видела ее такой. – Эллисон прижимает руку к лицу. – И я видела ее только долю секунды, потому что на светофоре загорелся зеленый свет, и они свернули на боковую улицу. Я подумала: вдруг мне просто показалось?

– Вы когда-нибудь спрашивали ее об этом?

Эллисон быстро качает головой.

– Я не хотела спрашивать, потому что не была полностью уверена, и если бы я ошиблась, то обидела бы ее.

– Понимаю. – Я прикусываю губу. Как жаль, что Эллисон Росс не хватило смелости и мозгов стратегическим способом сформулировать простой вопрос.

– Думаю, это странно, – продолжает она. – Эндрю знал, сколько времени мы с Мередит проводили вместе... На его месте я бы прислала сюда полицию, чтобы они взяли у меня показания.

– Что вы хотите этим сказать? – задаю я вопрос, на который уже знаю ответ.

Она прищуривается и качает головой.

– Не знаю... Просто мне интересно.

– Вы думаете, что Эндрю что-то скрывает?

Она смотрит на меня и нервно приглаживает волосы.

– Я хочу сказать, что я знаю их обоих больше двух лет – с тех пор, как мы переехали на эту улицу. Глядя на них, можно подумать, что они все еще молодожены. Он был готов сдуть с нее пылинки, а она всегда говорила, какой он классный парень. – Эллисон смотрит сквозь прихожую в гостиную. Ее взгляд застывает на живописном горном пейзаже. – Честно говоря, я всегда немного им

завидовала. В хорошем смысле, конечно. Я радовалась за нее. – Эллисон вздыхает. – Но был один раз... Она пришла незадолго до начала йоги, и я заметила на ее запястье синяк, как будто кто-то схватил ее за руку и больно сжал.

У меня перехватывает дыхание. Если этот самодовольный ублюдок поднимет руку на мою сестру, я убью его. Честное слово, убью.

– Я никогда не спрашивала ее об этом, – говорит моя собеседница и переходит едва ли не на шепот. – В тот день на руке у Мередит были часы, хотя она никогда не надевала их на занятия йогой, так что это показалось мне странным. Она явно пыталась прикрыть синяк.

– Не хотите дать официальные показания? – спрашиваю я.

Она округляет глаза, как будто я только что попросила ее подняться в снежную бурю на Эверест.

– Я не знаю. Что, если мне все это показалось?

– А если не показалось? – со вздохом спрашиваю я.

– Не хочу наговаривать на него, только и всего.

– Просто поговорите с полицией. А они пусть сами решат, что делать с этой информацией, – говорю я, достаю из сумки одну из визиток Ронана и передаю ей. Прежде чем взять карточку, она колеблется. – Пожалуйста, Эллисон!

Мне не хочется верить, что моя сестра сбежала с первым встречным парнем, не сказав никому ни слова, но факт остается фактом: мы не знаем правды. А правде наплевать, во что нам хочется верить.

Она на мгновение замолкает, но в конце концов соглашается.

– Я также записала свой номер на обороте, – говорю я. – Позвоните мне, если захотите рассказать... или если вспомните что-нибудь еще.

– Конечно. – Она сует карточку в карман джинсов, и я выхожу.

Я перехожу к следующему дому, и перед глазами у меня стоит моя маленькая сестренка с синяком на запястье.

Глава 9

Мередит

Двадцать девять месяцев назад

На двери кафе «Горячий кофе и чай» в Челси звякают колокольчики. Харрис сидит за кассовым аппаратом и, как только замечает меня, выражение его лица становится жестким. Я прикладываю палец к губам, мол, ничего не говори. Он понимающе кивает в сторону заднего офиса, где, сгорбившись над ноутбуком, рядом с горой документов сидит моя сестра.

– Тук-тук! – говорю я, постучав в дверь.

Она поворачивается ко мне, прищуривается и только тогда узнает меня. Я не видела ее несколько месяцев, но знаю точно, что за это время я не изменилась.

– О боже! – Она встает, все еще удивленная моим появлением. – Мередит, что ты здесь делаешь?

– У Эндрю в городе дела. Я поехала вместе с ним. Думала сделать тебе сюрприз.

Грир никогда не была щедра на телячьи нежности, но ее лицо говорит само за себя. Она ошарашена. И ужасно рада видеть меня.

– Давай проветримся, – говорю я. – В моем распоряжении целый день, а завтра мы уезжаем.

Закусив губу, моя сестра смотрит на компьютер. Знаю, я для нее важнее работы, но я почти вижу, как в эти мгновения она мысленно подсчитывает, в котором часу она сегодня вечером ляжет спать, чтобы закончить учет товаров или свести дебет с кредитом, или что там, черт возьми, она делает.

Она всегда такая рациональная и деловитая. Неудивительно, что они с Харрисом являют собой идеальных деловых партнеров. Он креативный и дальновидный, превосходно варит кофе, она же тянет на себе бухгалтерию, виртуозно сводит дебет с кредитом, подает налоговые отчеты, проводит собеседования с потенциальным персоналом и исправно платит зарплату.

– Я украду ее у тебя, – говорю я Харрису, возвращаясь в зал. Грир идет следом за мной, на ходу натягивая легкий жакет.

Он сдвигает очки в черепаховой оправе к переносице и смотрит на меня. Он знает: права голоса у него нет. Наши узы нерушимы – даже для парня, чье имя вытатуировано на сердце моей сестры.

– Желая вам хорошо провести время, – говорит он, но я понимаю, о чем он думает. Ему чертовски обидно, что, пока мы будем резвиться и болтаться с друзьями по городу, он будет торчать за кассовым аппаратом. С другой стороны, мы не делаем этого постоянно. Они же оба только и делают, что вкалывают. Моей сестре не повредит небольшой перерыв. Он никому из них не повредит.

В общем, пусть привыкает играть вторую скрипку, когда я здесь. Их бизнес... Харрис... все это подождет, когда я дома.

Грир не прощается. В этом нет необходимости. Они с Харрисом вместе около десяти лет – однажды даже почти поженились. Они давно научились обходиться без формальностей, не расшаркиваться друг перед другом и не принимать ничего обидного на свой счет.

– Я подумала, а не позавтракать ли нам в «Ла Дольче», – начинаю я, протягивая ей руку, как только мы выходим из кофейни. – Как в старые добрые времена.

Грир пытается скрыть волнение, однако ускоряет шаг.

– Тебе не помешало бы чуть больше улыбаться. – Я подталкиваю ее в бок. – Ты всегда такая серьезная, такая... сдержанная.

– Ты это к чему?

– Ни к чему. Просто наблюдение.

Отпустив ее руку, я шагаю к бордюру и взмахом руки останавливаю встречное такси.

– Можно доехать и на метро, – говорит она, указывая в конец квартала. Там виднеется знак, указывающий, что под оживленной улицей есть станция метрополитена.

– На такси будет быстрее. И меньше идти. Эти каблуки меня просто убивают.

Ее взгляд задерживается на моих ногах, точнее, на красной коже туфель. Когда-то мы смеялись над женщинами, которые стонали по таким туфлям. Теперь я одна из них. «Маноло Бланик», лабутены, «Валентино» всех цветов и разной высоты каблука. Они все у меня есть, и я не могу сказать почему. Этот вопрос ставит в тупик даже меня саму.

Мне становится немного стыдно.

Останавливается такси, и я, увидев хмурого мужчину с портфелем, претендента на поездку, предлагаю Грир поторопиться. Мужчина бежит в нашем направлении и бесцеремонно пытается перехватить нашу машину. Я скучаю по многим вещам в большом городе, но только не по таким нахам.

В такси мы обе молчим, что значит, что моя сестра погружена в свои мысли.

– Что будешь заказывать? – спрашиваю я, неловко пытаюсь начать разговор и вернуть ее в действительность.

– Пока не знаю.

- Ты всегда заказывала яйца Бенедикт, - говорю я. - А я - французский тост. Думаю, на всякий случай нам лучше не изменять традиции.

Я дразню ее, изо всех сил стараюсь создать легкую, непринужденную обстановку, но она не реагирует.

- Почему ты такая притихшая? - спрашиваю я. - О чем ты думаешь?

Грир вздыхает, качает головой и смотрит в окно.

- Ни о чем.

- Неправда, я ведь вижу. Ты была другой, пока не увидела мои туфли. Дело в них? - Я повышаю голос, и водитель смотрит на меня в зеркало заднего вида. - Грир?

- Не только в них.

- Значит, в такси? - спрашиваю я.

Водитель снова смотрит на нас.

- Просто всякий раз, когда я вижу тебя, ты все меньше бываешь собой и все больше кем-то другим, кого я едва узнаю, - выпаливает она, словно автоматную очередь. - Вот и пытаюсь понять, почему это так, вот и все.

Я смеюсь над нелепостью ее слов.

- Я все еще та, прежняя. И всегда ею останусь.

Такси резко тормозит, водитель выключает счетчик. Я провожу кредиткой Эндрю по терминалу, чтобы оплатить поездку, и Грир выходит на тротуар. Спустя мгновение я присоединяюсь к ней у входа в ресторан.

- Просто ты делаешь то, что когда-то делала мама, - говорит она, сложив на груди руки.

Я отказываюсь поверить своим ушам.

- Пожалуйста, скажи мне, что не сравниваешь меня с ней.

- Ты ведь знаешь, что я права.

Мы в упор смотрим друг на друга. Похоже, мы зашли в тупик. Я не знаю, что сказать моей сестре. У нашей матери имелась привычка превращаться в самых разных людей, иногда на миг, иногда на день, иногда на несколько недель или месяцев. Нет, у нее не было никакого расстройства личности. Она просто относилась к своей жизни, как к старой паре обуви, меняя туфли с каждым сезоном или с каждым новым мужчиной, который в вихре вальса влетал в ее жизнь.

Однажды она меньше чем за день из мятежной и раскованной хиппи, любительницы цветастых цыганских нарядов и заплетенных в косички волос, превратилась в строгую, одержимую органической едой мамочку, активистку школьного родительского комитета. Обычно мы предчувствовали грядущие перемены и пытались подготовиться к ним, но только не в тот раз. Никогда не забуду, как однажды утром она отправила меня в школу в своем балахоне и с косичками до плеч, а когда в тот же день открыла мне дверь, то была в узкой юбке, с короткой модной стрижкой, а на столе лежали с полдюжины коричневых бумажных пакетов из магазина здоровой еды.

Грир говорит, когда наша мать встретила моего отца, она была домработницей в частном многоэтажном доме, где жили состоятельные квартиросъемщики. Как-то раз в парке она подслушала разговор двух женщин о том, как сестра двоюродной сестры их подруги из домработницы стала женой бизнесмена-мультимиллионера. Моя мама никогда не встречала никаких миллионеров, по крайней мере, таких, кого она знала бы лично. Чистка туалетов – таков был ее путь в их мир. Она была мышью, а уборка – трещиной в стене, в которую она проскользнула.

Моего отца звали Йосси Натан. Владелец строительной компании в Израиле, он жил в Нью-Йорке всего пару лет. Грир не знает, как начался их роман. Дома, в Кфар-Сабе, у него жена и несколько детей, и то, что на свет появилась я, лишь прибавило ему головной боли. Но перед тем как уехать, он зарегистрировал на мое имя трастовый фонд, к которому я могла получить доступ в свой двадцать

шестой день рождения, а моей матери в обмен на молчание обеспечил скромное ежемесячное содержание.

Я лишь однажды видела его фото в Интернете, но так и не смогла прочесть подпись, потому что она на иврите.

О Йосси я знаю лишь то, что у нас с ним одинаковые песочного цвета волосы, смуглая кожа, а наши черты – экзотическое сочетание европейских и ближневосточных. У меня прямой нос, полные губы и большие глаза, но кроме этого у меня от него больше ничего нет... даже его фамилии.

Равно как и надежды встретить его в этой жизни, что до сих пор остается горькой пилюлей, независимо от того, сколько лет прошло. Мне словно недостает огромной части меня, и нет абсолютно никаких шансов, что я когда-нибудь верну ее обратно. Грир говорит, что в пять лет у меня был воображаемый «папа», который, как мне кажется, скорее стал кем-то вроде слитого воедино воображаемого друга и отца. По ее словам, она ночами слышала через стенку, как я разговаривала с ним. А после школы, как я утверждала, он шагал рядом с нами, пока мы шли по оживленным тротуарам Квинса домой.

Я ничего такого не помню, но всякий раз, когда думаю о себе пятилетней, которой так горько не доставало отцовской любви, у меня болит сердце.

– Обещаю, Грир, это не так, – говорю я. – Я – не она. Отнюдь нет. Можешь не переживать. Я – это я. Просто сейчас у меня хороший гардероб.

Я жду, что она улыбнется, но по-прежнему ощущаю ее тревогу.

– Что плохого в красивых туфлях? – говорю я. – Это просто обувь, ради всего святого!

Мы смотрим друг другу в глаза. Она прикусывает нижнюю губу. Все, что выходит из-под ее контроля, выбивает мою сестру из колеи. Но я ее не виню. Она много чего хлебнула в этой жизни. Мало того, что она фактически воспитала меня, но и бо?льшую часть времени была вынуждена воспитывать мою мать. Грир всегда следила за тем, чтобы мы вовремя платили за квартиру. А после того, как мать несколько раз оставила холодильник пустым, взяла на себя покупку продуктов. Сестра каждый год записывала меня в школу и следила за тем, чтобы про мой

день рождения никогда не забывали.

Ей всегда приходилось идти на шаг впереди, следя за тем, чтобы с нами не случилось ничего плохого. Вряд ли легко вечно предвидеть худшее и жить в ожидании очередного удара судьбы.

В пятом классе учительница отправила меня к школьной медсестре, потому что я не переставая чесала голову. Медсестра осмотрела меня и, ахнув от ужаса, бросилась через весь кабинет к телефону. Я слышала, как она рассказывала школьной секретарше, что такой завшивленности она не видела за все двадцать восемь лет работы. Она заявила, что, по ее мнению, нужно немедленно позвонить в службу опеки, потому что обо мне явно никто не заботится.

Но вместо этого они позвонили моей матери. Та живо обрила мне вечером голову, положила обрезанные волосы в пластиковый пакет и бросила в мусоропровод.

Я провожу рукой по моим длинным, светлым, волнистым волосам, мягким и пышным. Их объем и блеск – результат обработки бразильским кератином в салонах, куда нужно записываться за несколько месяцев.

– Хорошо, – говорит Грир. – Можешь иметь хорошую обувь. Просто не становись такой, как она.

– Не буду, – обещаю я, осеняю крестом сердце и поднимаю мизинец в знак примирения. Грир скептически кривит губы, но я упорствую, и она сдается. – Пойдем. Наш столик освободится через пять минут.

И вот мы уже сидим, потягивая итальянский чай под звон столовых приборов, фарфора и приглушенные разговоры посетителей кафе. На меня накатывает волна умиротворения, теплое, чуть пьянящее чувство, которое я впитываю, словно сухая губка, всякий раз, когда мы с ней вместе.

– Как там Эндрю? – спрашивает она.

– Замечательно. – Я не могу сдержать улыбки, когда слышу его имя. Это уже рефлекс. Я никогда не думала, что остепенюсь так рано, но когда я смотрю на

некоторых моих знакомых, с которыми училась в колледже, на то, как они преодолевают свои «кризисы первой четверти жизни», как вешаются на шею то одному ничтожеству, то другому, это заставляет меня еще больше ценить то, что есть у меня. У меня есть Эндрю. И он настоящий мужчина.

Он не играет в игры. Он не манипулирует мной и не смотрит на других женщин. Для него я – бесценное сокровище, и он любит меня больше, чем кто-либо когда-либо любил меня.

В любом случае все могло быть гораздо хуже, и единственные проблемы, которые у меня есть, – это проблемы всего цивилизованного мира.

Я искренне желаю, чтобы моя сестра тоже однажды узнала, что это такое – быть любимой, быть предметом постоянной заботы и внимания, будь то Харрис... или кто-то еще.

– Так как обстоят дела у тебя и мистера Кольера? – спрашиваю я с нарочитым английским акцентом и, манерно отставив мизинец, делаю глоток чая. Помню, в детстве мы всегда так поступали, считая, что ничего прикольнее просто нет.

Грир ерзает на стуле, выпрямляет спину и смотрит в окно справа от себя. Она не собирается мне подыгрывать.

– Я решила съехать, – говорит она, поднося чашку к губам.

– Но это даже к лучшему, не так ли? Я имею в виду, вы ведь расстались. Странно, что вы до сих пор живете вместе.

– Пожалуй.

– И как ты настроена? – Я не ожидаю от нее откровенности. Она все еще влюблена в Харриса, и что-то подсказывает мне, что так будет и дальше.

Грир пожимает плечами, избегая смотреть мне в глаза.

– Все в порядке. Просто настало время это сделать. Нет смысла идти старой дорогой, если она ведет в никуда.

– Никогда не понимала, что ты в нем нашла. Ни разу не встречала таких претенциозных людей, как он, которые бы вечно делали вид, как будто они не претенциозны. Он смотрит на всех сверху вниз, ведет себя так, будто знает все на свете.

– Умные, самоуверенные мужчины все такие. – Она делает очередной глоток. – Он ничего не может с этим поделать. Он просто привык страстно отстаивать свою точку зрения, и все. И он не претенциозный. Это абсурд. Он самый непретенциозный человек из тех, кого я знаю.

Несколько лет назад я посмеивалась над Харрисом за футболки по сто двадцать долларов, оповещавшие мир о его взглядах феминиста и борца с изменением климата. Он же высмеивал мои сандалии от Тори Бёрч и густо накрашенные помадой губы. У нас на все имелись противоположные мнения, но мы оба любили Грир и потому терпели друг друга, сводя свои разногласия к минимуму.

Разумеется, Грир была склонна верить, что мы просто прикалываемся друг над другом, как пара школьников. Думаю, мы всегда видим то, что хотим видеть. Грир упорно отказывалась поверить, что Харрис далек от совершенства, и я виню в этом любовь. Она любила его. И по-прежнему любит.

Иногда любовь прекрасна.

В других случаях это яд.

– Он хочет видеть других людей? – спрашиваю я. Их разрыв произошел по взаимному согласию и со стороны казался дружеским и недраматичным, но чем больше я пыталась докопаться до истины, тем сильнее убеждалась, насколько паршивой была ситуация. По словам сестры, их отношения утратили остроту и превратились в крепкую дружбу, но, оглядываясь назад, я невольно задаюсь вопросом: а не Харриса ли это слова?

Грир спешит покачать головой:

– Это не так.

– Тогда как?

– Мы больше не пара. Нет смысла жить вместе. Ему хочется личного пространства. Мне тоже. Конец истории.

– Но ведь вы все равно будете работать вместе каждый день, – говорю я. – И где оно, это ваше личное пространство?

– Мы будем работать в разных точках.

– Сегодня я этого не заметила, – говорю я, проводя пальцем по краешку чашки. Грир морщится. Она пытается вести себя так, будто разрыв нисколько ее не огорчает, но меня не проведешь. Это целиком и полностью идея Харриса. Грир не стала спорить лишь потому, что считает, что в конце концов он вернется к ней.

Это проклятие нас, женщин семьи Эмброуз. Когда дело касается мужчин, мы беспомощны. Мне просто повезло найти хорошего мужа. Будь на его месте кто-то другой, кто знает, как сложилась бы моя жизнь?

Однажды я спросила Грир: почему Харрис?

Мне было интересно, что она нашла в нем, почему готова поставить крест на своей личной жизни в надежде, что он в конце концов вернется. Сначала она молчала, обдумывая ответ. А потом заявила, что он – ее первая любовь. И как бы она ни старалась, она не может разлюбить его. Она сказала, что для нее других мужчин просто не существует.

И поспешила сменить тему. В этом вся Грир.

– Ты права, Мер. Сегодня мы работали в одном магазине, – говорит она. – Конец месяца, и нужно было свести цифры. У меня там офис.

– Твой офис – это компьютер, который ты носишь с собой, куда бы ни пошла, – возражаю я.

– Вы готовы сделать заказ? – Официант прерывает наш разговор, причем в самый удачный момент, плеснув тем самым воды на огонь, грозивший разгореться слишком сильно.

Грир заказывает яйца Бенедикт.

Я заказываю французский тост.

Мы говорим о погоде.

Глава 10

Грир

День третий

Когда я возвращаюсь, подъездная дорога к дому Мередит забита машинами. Меня не было весь день – я стучала в двери и заглядывала в местные заведения, которые посещала моя сестра. Пока все говорят одно и то же.

– Она казалась счастливой и такой воздушной, всегда улыбалась.

– У нее был идеальный брак.

– Сигналов тревоги не было.

Или – что неожиданно – самое распространенное:

– Извините, но я почти ее не знала.

Она действительно словно растворилась в воздухе.

Я прохожу через кухню и останавливаюсь, увидев за столом съемочную группу. Они налегают на сэндвичи и картофельные чипсы из желтых пакетиков. Из кабинета доносятся голоса, причем один из них мне слишком хорошо знаком.

- Эндрю? - окликаю я.

Нет ответа.

Я иду в кабинет и застываю в дверях, увидев мою мать, сидящую в кресле для макияжа. Ее волосы выгорели до соломенного цвета, как на фото, которое прислала мне Мередит, и уложены волнами, кожа неопикуемого оттенка бронзового апельсина. Похоже, она прекрасно ладит со своим парнем из Южной Калифорнии.

- Можете втереть тональный крем? - Она указывает на декольте. - И немного пощипать мне брови? Сделать изгиб сильнее? При ярком свете их просто не будет видно. Они такие светлые.

В этом вся Бренда Эмброуз: выгоревшие брови ее волнуют больше, чем пропавшая дочь. Продюсер с блокнотом и в наушниках садится за стол Эндрю и что-то вполголоса обсуждает с моей матерью.

- Что здесь происходит? - спрашиваю я. Услышав мой голос, мать вздрагивает.

- О боже! Грив! - Она отмахивается от визажистки, встает и подходит ко мне. Обхватив меня за плечи, хотя прекрасно знает, что я ненавижу объятия, она зарывается лицом мне в шею. - Как же я рада видеть тебя, моя бесценная девочка!

За три с лишним десятка лет на этой планете моя мама еще ни разу не назвала меня «бесценной девочкой». «Неблагодарная дрянь»? Да. «Маленькая стерва»? Да. «Самая большая ошибка в моей жизни»? Да.

«Бесценная девочка»? Никогда.

Меня так и подмывает сказать ей, что камеры еще не работают.

- Мы только что приехали сюда, - говорит она. - Уэйд в другой комнате с Эндрю.

- Я понятия не имела, что сегодня приедет съемочная группа.

– Я тоже. – Она улыбается, возможность засветиться на телеэкране заставляет ее почувствовать себя красоткой с обложки глянцевого журнала. Впрочем, почему это должно меня удивлять? – Конни Мэйвезер из программы «Круглые сутки каждую неделю» на Си-эн-эн собирается взять у Эндрю интервью. Они спросили, не хотим ли мы тоже попасть на телеэкран.

– Мы?

– Ну, Уэйд и я. И ты.

– Уэйд видел Мередит всего один раз.

Ее улыбка гаснет, как будто я проткнула ее воздушный шарик острым концом крошечной булавки, сделанной из чистой реальности.

– Тем самым мы продемонстрируем нашу поддержку, Грир.

У меня нет ни малейшего желания засветиться по национальному телевидению, но ведь дело не во мне. Если Мер где-то увидит эту телепередачу, я хочу, чтобы она знала, что я тоже ее ищу. Я не собираюсь отдавать нашей любящей матери всю славу. Пусть она даже не рассчитывает на это.

– Ладно, – говорю я.

Прежде чем вернуться в кресло, мать подзывает бригаду гримеров и сообщает им, что у них «есть еще с кем можно поработать».

Час спустя мое лицо накрашено, волосы из неаккуратного пучка зачесаны в нечто подходящее для воскресной церковной службы. У меня спрашивают, нет ли у меня другой блузки, менее черной и выцветшей, потому что в этой я своим видом «опечалила бы телезрителей; они подумают, будто мы преждевременно оплакиваем Мередит».

Нас усаживают на диван в гостиной: Эндрю рядом с моей матерью; Уэйд стоит позади нее. В комнате за считанные минуты возникает жуткая жарница от софитов, и корочка макияжа начинает плавиться на моем лице.

Конни Мэйвезер держит себя так, будто она тут царица: светлые волосы подстрижены до линии острого подбородка, скулы четко очерчены, на губах неброская, готовая к съемке розовая помада. В костюме от Шанель она сидит, скрестив ноги, напротив нас четверых, ее лицо выражает сочувствие, производящее впечатление искреннего, хотя я подозреваю, что годы практики способны одурачить кого угодно.

– Эндрю, пожалуйста, расскажите нам, как это случилось, – говорит она. – Скажите, где вы были, когда обнаружили, что ваша жена, Мередит Прайс, исчезла.

Он не торопится с ответом. Я невольно задаюсь вопросом, делает он это нарочно или действительно собирается с мыслями.

– Я был на работе, – говорит он, вздыхая. – Если говорить точно, на деловой встрече. Секретарша постучала в дверь и сказала, что в приемной полицейский и он хочет поговорить со мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Баре – система физических упражнений (фитнеса), основанная на сочетании балетных упражнений, упражнений функционально-силового тренинга, пилатеса и йоги. – Прим. перев.

Купити: https://tn.knigapoisk.com/kent_minka/legchayshiy-vozduh

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)